

Е. П. ИВАНОВ

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ЛУБОК

С 90 одноцветными и 13 красочными репродукциями

ИЗОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
1937

ОТ РЕДАКЦИИ

Большое собрание народных картинок этнографа Е. П. Иванова, состоящее главным образом из образцов XIX и начала XX века, представляет естественное и вместе завершающее дополнение к основной массе народных картинок, описанных Д. А. Ровинским в его большом пятитомном труде «Русские народные картинки» (изд. Академии наук, 1881), включающем все образцы их, изданные до 1839 г., когда эти картинки стали выпускаться лишь с разрешения цензуры. Названию «народные картинки» Ровинский отдает предпочтение перед термином «лубочные картинки». Последний до сих пор не получил вполне убедительного разъяснения, несмотря на несколько предложенных вариантов, и чаще всего определение «лубочный» в ежедневном обиходе считается просто синонимом всего дешевого, плохого. Название «народные картинки» шире по значению. Оно позволяет включить в их число не только образцы собственно «лубочных», грубо исполненных картин бытового содержания, но и все листы, издававшиеся вообще «для простонародия», а к ним относятся и образцы более высокого качества, как отпечатки с некоторых досок гравюров конца XVII и всего XVIII века (Афанасия Трухменского, Леонтия Бунина, Алексея и Ивана Зубовых), листы религиозного содержания, календари, виды городов, монастырей и т. п.

Настоящий альбом воспроизведений с отдельных листов собрания Е. П. Иванова можно было бы также озаглавить «народные картинки», так как в его состав включены, кроме образцов обычных лубочных изображений, и листы, близкие к последним, частью и совсем иные по содержанию и технике, но также предназначенные главным образом для крестьянской среды и близких к ней по культурному уровню групп городского населения, особенно в провинции. К таким листам относятся, например, литографии, исполненные за границей по заказу фирмы Дациаро, или литографии с изображением этнографических типов России (нередко также исполнявшиеся за границей). К той же группе надо отнести и оттиски с пряничных досок, и яркие цветные образцы обоев для тех же потребителей в деревне и глухой провинции, и, наконец, листы поучительно-религиозного содержания. Близость общего стиля изображений последнего рода к миниатюре, иллюстрирующей текст духовной книги, позволила включить в состав альбома и оригинальный рисунок в красках религиозно-поучительного содержания и образцы, исполненных также от руки, выдающихся по красоте миниатюр и заставок из старинных рукописных книг.

Но, отвечая принципу Ровинского отчасти в самом заглавии и в более свободном подборе материала, альбом все же представляет совершенно особый тип издания, в связи с различием характера листов каждого века. Лубочные картинки, входящие в состав собрания Е. П. Иванова, издавались в течение последних ста лет существования царской России. Они во многом отличаются от образцов XVIII и начала XIX века, описанных Ровинским. Представляя основную и наиболее интересную часть всей массы народных картинок, эти образцы более раннего периода носят на себе печать особой свежести, естественно присущей каждому производству при его возникновении и в годы высшего расцвета. Благодаря разнообразию и жизненности тем, умелому расположению композиции и стильной остроте форм, нередко повторяющих в русской переделке немецкие, французские и голландские гравюры, этот основной массив народных картинок во многом превосходит

большинство позднейших листов XIX века. Последние часто шаблонно повторяют избитые схемы композиций, безличные фигуры и однообразные, с пошловатым, раздражающим оттенком плоские образы и мысли. Вся основная масса этих поздних, часто крайне грубо и небрежно раскрашенных листов создавалась рисовальщиками-самоучками при издательствах и типографиях, печатавших лубочные картинки с новых и старых досок. Этим низшим, дешевым видом ремесленно-художественного производства предприимчивые люди города снабжали широкие круги народа, еще не доросшего, по их мнению, до возможности ценить произведения настоящего искусства, которым наслаждался город.

Естественно, что, при наличии трудов Ровинского, не представляло интереса описывать и издавать с научной полнотой весь этот поздний материал, совсем не гармонирующий часто со вкусами, идеями и лучшими стремлениями наших дней.

И все же в некоторых отношениях эти поздние листы могут представлять известный интерес и для современности. Прежде всего они являются последними отзвуками старого, безвозвратно отошедшего в прошлое русского быта. В их содержании, типах и сопровождающих их текстах нередко заключается зерно скрытого протеста или иронии трудящихся против кулака, купца, ростовщика, чиновника, барина и всех стремящихся эксплуатировать деревню. Те же тексты и изображения являются и главными хранителями слов и содержания старой деревенской песни, память о которой уже начинает исчезать вместе со старым бытом и вытесняется образцами вызванного новыми условиями жизни песенного творчества. Наконец, несмотря на все присущие этим листам признаки упадка, они во многих случаях все же не утратили родства с истинно народным искусством. Хотя народные картинки создавались главным образом в городе, но, повидимому, в большинстве случаев рисовальщиками, вышедшими из народной массы и сохранявшими еще живые связи с ней. Отдельным образцам картинок этого периода не чужд еще налет наивной прелести, всегда характерный для примитивов народного творчества. Нельзя также отрицать в лучших образцах наличия подчас удачной композиции, известной остроты типов, выражения, а иногда и примитивно-мощной красоты расцветки. Таким образом и эти образцы производства, уже пережившего период своего расцвета, могут еще привлекать внимание не только этнографа, фольклориста, историка, искусствоведа и художника, но и более широкого круга лиц, которым это отражение и наследие прошлого помогут еще глубже и полнее оценить столь отличные от этих отзвуков минувшего достижения и цели современности.

Все эти особенности народных картинок XIX века обусловили характер и состав настоящего альбома. В него входят только наиболее типичные и ценные в бытовом и художественном отношении образцы народных картинок этого периода. Чтобы, по возможности, выдержать художественную ценность альбома, в него не введены грубые по исполнению, банальные цветные литографии с изображением различных игр, ярлыки товарных изделий, обложки дешевых книг для народа и хвастливо-патриотические изображения русско-японской и мировой войн. Сравнительно к художественно лучшим листам на тему о войне принадлежат относящиеся к севастопольской кампании, как, например, включенные в альбом: изображение бомбардировки Соловецкого монастыря, прекращение которой приводится, конечно, в связь с крестным ходом монахов, и лист, иронизирующий над союзниками, представленными в образах, аналогичных басне «Лебедь, рак и щука». Не лишены, конечно, известного значения для характеристики эпохи, листы этого рода исполнялись в большинстве случаев по заказу фабрик в качестве реклам или по правительственно-полицейскому внушению, в целях пропаганды и внутренней политики, притом же эти образцы создавались часто художниками города в стиле, чуждом содержанию и характеру народного творчества. Таким листам недостает наивной красоты примитивов, а выявить ее возможно ярче посредством отбора подходящих листов и составляет главную задачу этого альбома. Последний можно сблизить в некоторой степени с другим, посмертным трудом Ровинского, изданным под наблюдением Н. Собко: «Русские народные картинки» (СПб, изд. Голике, 1900), также предназначенным для более широкого круга читателей и включающим только выдающиеся образцы народных картинок первого периода, с кратким изложением самых интересных частей из содержания основного пятитомного издания.

Обращаясь к отдельным листам альбома, нельзя не отметить, что большинство лучших лубочных картинок XIX века относится к периоду от 40-х до конца 60-х годов. Из образцов этой группы и составлен в своей главной части альбом, отдельные листы которого не лишены художественной ценности и характерного бытового содержания. Лиризм настроения и несколько условным изъ-

ществом фигур и композиции, обрамленной по углам барочными мотивами орнамента, отмечен 1-й лист альбома. Здесь, как и в других листах того же стиля (№ 2, 3, 9, 10, 13, 16), исполненных, конечно, тем же автором (при издательстве Белянкина), чувствуется уже утонченность горожанина, его стремление выражать чувствительное содержание песен в приукрашенном стиле пасторали, однако не лишенном оттенка простоты и искренности, живости движения и мимики. Бросается в глаза также, что по общему характеру композиции и темы лист № 3 из этой группы («Русская песня») является предшественником известной картины Кустодиева «Свидание», напоминающей в свою очередь сцену свидания Кудряша и Варвары в «Грозе». Возможно, конечно, что сходство во всех этих случаях объясняется прежде всего типическим и вечным характером самой темы. Излюбленное содержание картин представляют хоровод и пляска. Замечаются попытки изображать фигуры в хороводе каждый раз с новой стороны, со спины, сбоку, чтобы избежать однообразия в этих часто повторяющихся композициях. К лучшим изображениям хоровода и пляски в смысле более живой передачи движения относятся листы: № 7, 12, 17, 22, 33 и «Казацкий праздник» (№ 35). Особенно типичен контраст гуляющих «господ» и крестьян в изображении хоровода на площади провинциального города («У нас было на улице», № 12). К листам, приятным по удачному характеру цветных пятен, несмотря на схематизм рисунка, относится изображение нападения волков на проезжающих (№ 21). Декоративной и необычайно смелой яркостью красочных цветов и птиц и радостной пестротой композиции, привлекающей внимание провинции такими чудесами, как воздушный шар, автомобиль, велосипед и пр., отмечены чудесные в своей неотразимости обои (№ 50—52). Что такие же причудливо яркие, экзотические образы могли иметь успех у покупателей народных картинок, об этом говорят изображения совершенно фантастического содержания и стиля: «Скилла дочь Фарки» (№ 65), «Атаман алжирских разбойников и пленница» (№ 64), «Охота на слоне за тигром» (№ 49) и совсем необычные фигурки женщин и героев, напоминающих богатырей «заезжих» наших былин, на живописных персидских рисунках в стиле восточного лубка (№ 97—98).

Простым и твердым характером штрихов, приближающим лубок к впечатлению гравюры более высокого качества, отличаются изображения былинных и сказочных героев (№ 70—74). Сила этих выразительных, исполненных движения образов привлекает к ним внимание, вопреки однообразно-примитивной схеме композиций. Для сравнения с позднейшими листами в альбом включены две картинки XVIII века, в которых отразились вкус той эпохи и отзвуки ее большого искусства, как об этом ясно говорят стиль одежд, равновесие обдуманной композиции, изящество архитектуры, рисунка и раскраски («Подъячий и смерть», № 43, «Кот и кошка едут в кабриолете», № 58).

Некоторые из картин восходят к старым западным образцам. Таковы изображения танцующих и пьющих медведей на свадьбе мишки косолапого (№ 60) и женщин, вырывающих друг у друга сарафан (№ 8); обе картинки восходят к немецким образцам XV века, причем вторая представляет более приличную переделку темы нескромной немецкой гравюры «Драка женщин за штаны»¹. Красотой затейливо-сложной композиции и расцветки отличаются листы поучительного содержания: «Ступени человеческого века» (№ 88), «Рачительное домоводство» (№ 87), «Суета суетствий...» (№ 86).

Из картин, особенно ценных в бытовом отношении, выдаются в художественном смысле по удачной композиции или меткой передаче обстановки и типов «Русская свадьба» (№ 32), «Московский сбитенщик и ходебщик» (№ 56), «Раек» (№ 69), «Пряди, моя пряха» (№ 31), «Роспись приданого» (№ 57), а также «Семик» (№ 15), с радостным и сильным, хотя и не особенно бережным характером расцветки. Острую характеристику городского быта дают картины: «Учитель пенья» (№ 42), «В Марьиной роще» (№ 68), «Хозяева горюют, а приказчики пируют» (№ 40), «Воздушное путешествие» (№ 41) и изображения типов ресторана (№ 54—55). Во всех этих листах отражается влияние тем, направления и образов Федотова, Гоголя, Островского.

Но особенно интересны своим художественным стилем, а также по красоте заботливо исполненной раскраски картины религиозного содержания, что, очевидно, объясняется совершенством многовековой традиции и установившихся канонов церковного искусства: фресок, икон, миниатюр, влияние которых отражается в народных картинках на религиозно-поучительные темы. Именно в таких картинках, созданных в старообрядческой среде, особенно приверженной к преданиям и канонам

¹ Впервые этот сюжет скопировал в XVIII веке с французского оригинала гравер ахметьевской печатной фабрики в Москве в листе «Семь баб за штаны дерутся», где женщины одеты во французские платья с фижмами.

старины, ярко выступает эта совершенная, тонкая культура художественного вкуса и замысла, далеко превосходящая плоско-грубоватый реализм лубочных картинок обычного типа, если только они также не связаны со старой традицией формально выше развитого западного творчества.

Из народных картинок, прямо повторяющих образцы церковно-канонической живописи и замещающих в быту дорогую по цене икону, особенно типична величественная композиция «Страшного суда». Эта идея награды и возмездия за гробом породила светлую и радостную красоту райских садов монаха-живописца эпохи Возрождения Беато Анджелико и ужасы адских мучений, придуманных фантазией средневековья и долго запугивавших человечество. К лучшим листам этого отдела в альбоме относятся старообрядческие листовки, например, поучительная аллегория «Тяжко есть иго на сынех адамлих» (№ 77), красивая по общей композиции, и «Райские птицы Сирий и Алконост» (№ 81—82). Ценен и типичен в смысле исторической иллюстрации лист, изображающий, как истязают пытками героинь старообрядчества Урусову и Морозову (№ 83).

К образцам старой западной гравюры восходят, очевидно, оттиск XVIII века «Искушение св. Антония» (№ 78) и сцены «Жития старца Герасима» (№ 79) — русский пересказ западной легенды о св. Иерониме и льве. Полон выразительного юмора образ льва, несправедливо заподозренного и наказанного старцем и затем удачно доказавшего свою невинность. Близок к созданиям Анджелико по радостной и даже сходной гамме красок и оригинальный раскрашенный рисунок поморского мастера XVIII века с изображением рая, сотворения человека и истории Адама и Евы (№ 80). В поучительной листовке «Старец и бес» (№ 85) величавым очертаниям бесовского крыла позавидовал бы мастер высокого монументального стиля.

Только что отмеченный рисунок поморского мастера представляет уже переход от печатных народных картинок к искусству более высокой ступени: к миниатюрам и заставкам рукописных книг старообрядцев. Богата по расцветке и барочным линиям орнамента заставка из книги «Духовное сладкогласие» северных скитских писем XVIII века. Какое неразрывное целое составляет вся страница, украшенная этой заставкой, затейливым рисунком заглавной буквы и такими же чертами рукописного текста и нотных крючков (№ 92)! Красивы и оригинальны по замыслу и краскам и миниатюры и заставки из книги северных писем «Слово Паладия мниха», XVIII века (№ 89—91). В ней встречается замечательное по красоте орнаментных мотивов изображение трона в небесных чертогах и оригинальное представление о рае, как о богатой, парадной палате, исполненной в сказочных формах народного архитектурного стиля.

Этими образцами тонкого художественного вкуса и высокого мастерства завершается состав альбома. В наши дни, когда художники стремятся украсить культурный быт и жизнь трудящихся лучшими созданиями своего искусства, старому лубку уже нет возврата, но он все же сохраняет значение исторического документа, ценного для изучения старой жизни. Поскольку же весь ряд представленных в альбоме разновидностей народных картинок восходит к наивной прелести и красоте истинно народного искусства, в них и в смежном творчестве поморцев найдется и для нас еще не мало художественно ценных заветов.

Н. И. РОМАНОВ

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ЛУБОК

ВСТУПЛЕНИЕ

История печатных изображений знает много способов и приемов их производства. Временем появления гравюры на дереве считают начало XV века, после того, как первый нюрнбергский бумажный фабрикант Ульман Строммер, открывший «заведение» в 1390 году, сумел широко распространить свою продукцию. Бумага, являвшаяся в первое десятилетие большой, доступной для немногих, редкостью, окончательно упрочилась в последующий период в массовом употреблении как основной материал письма, рисунка и печатания.

Способ гравирования на дереве был крайне упрощенным. Мастер переводил на гладкую, чисто выстроганную доску определенный рисунок и все свободные от линий места глубоко вырезывал. Доска в местах, оставшихся невырезанными, покрывалась краской. Наложенная и плотно прижатая к дереву бумага давала оттиск, резкость и ровность которого зависели от силы нажима и правильного, равномерного распределения краски на выпуклых частях. В середине XVI века итальянские и германские мастера гравюры начали вырабатывать двухцветные листы, получавшиеся в результате оттискивания на бумаге двух или нескольких досок.

Почти одновременно появилась и гравюра на меди. Прием работы ее требовал от мастера особого технического навыка и умения обращаться с резцом или грабштихелем. На чисто отполированную поверхность металлической пластины наносился рисунок, контуры которого углублялись резцом. Оставляя краску, путем быстрого обтирания поверхности доски тряпкой, только в углубленных резцом чертах, художник накладывал на доску увлажненную бумагу и пропускал их через пресс между двух валов, чтобы краска из углубленных мест могла впитаться в бумагу и дать ясный отпечаток.

За гравюрой на меди последовал «офорт», отличавшийся от нее тем, что контуры изображения вместо резца углублялись «протравой» из кислоты. Для этого вся металлическая доска покрывалась лаком, на котором процарапывались иглообразным инструментом линии рисунка, и в таком виде доска погружалась в кислотный раствор. В местах, свободных от лака, получались от травления значительные выемки, заменявшие борозды резца. Этот способ, облегчавший технику мастерства, привлек к гравюре многих крупных художников старого времени.

Таковы были основные известные на Западе приемы изготовления печатных изображений.

Начало гравюры у нас, в России, мы должны отнести к XVI и XVII векам, к эпохе возникновения книгопечатания и появления иллюстраций для Виленского и Львовского апостолов. Первой гравюрой на дереве принято считать оттиск «евангелиста Луки», относимый к 1654 году¹. Много позднее появились первые самостоятельные отдельные оттиски на религиозные темы, и с 1696 года, после работ гравера Кореня, давшего сюжеты из библии и апокалипсиса с рисунков мастера Григория, мы начинаем встречать и другие самостоятельные лубочные листки. Первые русские граверы вышли из рисовальщиков и знаменщиков московской Оружейной палаты; среди них были: Леонтий Бунин, Афанасий Трухменский с учеником Василием Андреевым, Симон Ушаков и Садлеров.

Русский народный лубок XVIII века — самая примитивная, самая первичная степень гравюры. Недаром изготовители его придумали для него технические названия: «простовик», «простяк», «насечка», а рыночные продавцы изображений еще недавно выкрикивали: «А вот Антипка рисовал, Степка малевал, Иван на полене насекал, тетка Арина коленом давила, а добрый человек покупает, горницу украшает и всех красотой удивляет»...

(Толкучий рынок «Балчуг» г. Нижнего Новгорода, 1907 год)

Впрочем, указывая на простоту, топорность и грубость наших первых лубочных изображений, Д. А. Ровинский говорит, что и западные произведения такого характера по искусству стояли не выше русских. Вместе с тем мне кажется условным определение достоинств и недостатков нашей народной картинки по признакам ее первобытности. Последнее выделило ее на особое место и сделало образцом бытового примитива.

«Лубком» народная картинка будто бы именовалась по основному месту своей выработки и продажи — старой московской Лубянке, где картинки резались на деревянных досках и оттискивались на листы помещавшимися у Сретенских ворот печатниками. По другому объяснению, это название происходит от лубочного короба, в котором офени разносили эти картинки по деревням. Вернее же утверждение Ив. Снегирева («Лубочные картинки русского народа в московском мире», Москва, 1861, стр. 5—6), считающего, что название это происходит от луба, т. е. дерева, некогда заменявшего, вместе с берестой, бумагу. На последнем чертили государственные планы и вырезывали изображения духовного и исторического содержания.

Деревянная доска постепенно исчезала, заменяясь медью, сталью, свинцом, а позднее литографским камнем, цинком, и в XIX веке большинство картинок печаталось уже только с помощью последних.

Древнейшие народные рисунки «жмались», «выжимались» или «оттискивались» в один цвет, после чего поступали в кустарную ручную раскраску или «цветку», производившуюся, по словам И. А. Голышева, в подмосковном селе Никольском, где промысел охватывал около 1000 человек, и в селе Мстеры Вязниковского уезда, где занимался этим ряд семейств в общем количестве до 300 человек. «До сего времени, — говорит Голышев, — раскраска эта очень немногосложна, она употребляет всего четыре краски: малиновую, зеленую, желтую и красную; в малиновый цвет употребляется сандал, вареный в воде с примесью малого количества квасцов; в зеленый — ярь медянка, которая употребляется для окраски крыш, разведенная на воде с медом; в желтый — крукомея, вареная с молоком; в красный — сурик, разведенный на яичном желтке с квасом; из этих 4 красок состоит вся иллюминаровка простовика; где перешло за контур

¹ Вероятно и до 1654 года появилось уже несколько изданий с гравированными орнаментными заставками.

рисунка, где не дошло или краска легла на лицо,— не взыскивалось, да иначе и быть не могло, потому что такие картинки раскрашивались скоро и притом щетинными кистями».

Работая ряд лет с мстерскими иконописцами, я смог установить, что состав краски последних делался на чистом яичном желтке и снятом молоке, что выгодно отличает их даже после многолетнего существования от лубков, раскрашенных мастерами села Никольского. Тона таких картинок мягче, ровнее, благороднее. Да и манера их «цветки» аккуратнее «никольской» — с меньшими растеками и выходами за границы изображения.

Исключительный знаток и исследователь русской народной картинки Ровинский охватил главным образом первичные ее периоды и только частично коснулся произведений начала прошлого столетия, почему большинство рисунков, дошедших до нас от 20-х годов этой эпохи, многим мало известно.

Между тем народный лубок представляет отражение эпохи, быта, культуры, общественных настроений, развития и взглядов известной среды, а иногда и значительных исторических событий. Страницы лубка — это своего рода летопись, хронология ее отдельных моментов, особенно ценная как редкая и бесхитростная иллюстрация прошлого.

Для фольклориста лубок имеет также несомненное значение. Он довольно наглядно знакомит с подробностями крестьянской бытовой обстановки, рисует нам производственные процессы и, вскрывая классовую сущность, сохраняет с некоторыми изменениями тексты наиболее популярных, тесно связанных с жизнью песен, народных сказок и анекдотов. Особенно вдохновляла его творцов профессия пастуха. Листов с изображением этой специальности много. Вероятно это потому, что музыкант-пастух, почти неразлучный со своим рожком или жалейкой, казался идеалом песенного творчества и деревенской поэзии.

Издателей лубков на протяжении XIX и XX веков было значительное количество, но история и печатные следы донесли до нас их имена только частично. Среди них Ив. Логинов, принявший московское производство Ахметьева, мстерский археолог И. А. Голышев, ковровский офеня Игнатий Акимович Сорокин (Вязники), ряд иных кустарей б. Владимирской губернии, разноместные монастырские типографии — подмосковные, петербургские, киевские, соловецкая, почаяевская, печерская, кафедра петербургского Исаакиевского собора и на первом месте печатни Троице-Сергиевской и Александро-Невской лавр. Кроме многочисленных отдельных издателей¹, организаций, складов и типографий, из иностранных, преимущественно французских, фирм поставщиками вошедших в быт картинок для русского рынка были А. Daziaro, Marotte и Miné.

¹ Перечень некоторых издателей лубка: А. Е. и А. Белянкины (Москва), П. Н. и В. Шараповы, они же Шераповы (Москва), лит. Антопа и Андрея Абрамовых (Москва), В. Зернов (Москва), Г. Чуксин (Москва), лит. Ф. Ефимова (Москва), мет. А. Лаврентьева (Москва), М. Дмитров (Москва), В. В. Орденев (СПБ), мет. А. Васильева (Москва), лит. И. Перова (Казань), А. Руднев (Москва), лит. А. Прокофьева (Москва), лит. И. Гаврилова (Москва), лит. Е. Яковлева (Москва), С. В. Шишов (Москва), мет. А. Кузнецова (Москва), Покровский (Москва), А. А. Морозов (Москва), лит. А. В. и Ф. Морозовых (Москва), хромо-лит. И. А. Морозова (Москва), Шуров, лит. П. А. Глушкова (Москва), лит. Казаринова (Москва), тип. П. В. Бельцова (Москва) тип. В. В. Пономарева (Москва), Я. В. Писарев и К^о (горн. н.), лит. М. Рудометова (СПБ), типо-лит. торг. дома Латкова и К^о (Москва), И. И. Орехов (Москва), Лаврентьев — Фролов, книгопрод. В. Г. Шатаев (СПБ), Манухин (Москва), Д. И. Преснов (Москва), типо-лит. И. Е. Ефремова (Москва), И. Т. Губанов (Киев), т-во И. Д. Сытина (Москва), А. С. Суворин (СПБ и Москва), типо-лит. Крылова и К^о (Москва), лит. т. д. А. П. Коркина и А. В. Бейдемана и К^о (Москва), т-во м-р Н. Н. и Я. Н. Фокиных и-ки (на тканях, Иван.-Вознесенск, Влад. губ.), Чижков, хромо-лит. Е. Н. Коноваловой (Москва), т. д. Е. Коновалова и К^о (Москва), лит. Соловьева (Москва), Евреинов, лит. В. В. Нessler (СПБ), тип. К. Ф. Некрасова (Ярославль), Е. Ф. Челноков (Москва), А. Ф. Постнов (Москва), книгоизд. «Авиатор» (Москва), тип. В. Я. Мильштейна (СПБ), книгоизд. А. С. Балашова (Москва), опт. склад В. А. Живарева (Москва), книгоизд. «Зарево» (Москва), «Парус» (Петроград), В. Т. (подробно имя и фамилия не указывались, Петроград), торгово-посреднич. контора

Собираателям попадалось много выпусков и анонимного лубка, не снабженного датами. В первую очередь некоторые оттиски его принадлежали находившимся под запретом тайным старообрядческим типографиям и скитам, за ними шли «нарушители авторского права собственности», похитители чужой темы и изображения (иногда обходившие закон и путем создания сходных вариантов имевшего значительный рыночный спрос сюжета с однородной текстовой подписью) и просто лица, которым по каким-либо соображениям не хотелось соединять свое имя с коммерческими операциями издателя. Последних было, однако, мало, и лично мне приходилось знать только двоих. Был еще альбомный выпуск лубка известного московского издателя Сытина, под оттисками которого частично отсутствовали подписи. По сведениям от старых книгопродавцов, Сытин выпустил всего пятьдесят альбомов — в виду случайной покупки бывших в употреблении клише и литографских камней, с которых и произвел перепечатку. По другим слухам, перепечатка была произведена каким-то иным лицом, от которого в готовом виде перешла в собственность формальному издателю, заключившему материал в переплеты. И, наконец, существовало утверждение, что альбомы эти составлены из старых оттисков, запрещенных царской цензурой в виду непомещения официальных дат. Ближе, конечно, предположение о перепечатке с готовых клише.

Совсем не затронутую исследователями область представляют живописные обои, распространявшиеся в купеческом, мещанском и провинциальном быту. Собственно это те же народные картинки, перенесенные на материал для оклейки стен. Вероятно, на мысль их создания навел даже успех отдельного лубочного изображения. Все отличие обоев от лубка — в беспредметности темы и в отсутствии текстовых надписей, но мастерство в них одинаково. Лет 25 назад они стали бесследно исчезать, и мне посчастливилось приобрести всего лишь несколько, лишенных фабричного клейма и случайно сохранившихся у продавца образцов. Ранее же я встречал их во время поездок по деревням б. Нижегородской губернии и в путевом трактире, и на постоялом дворе, и в избе кулака-крестьянина. Разновидностей их было очень много.

Большое количество лубочных изображений относится к разделам песенному, военному и религиозному. Картины первого рода явились несомненным результатом погони за темой, имевшей популярность и обеспечивающей тираж, второе место занимает искусственная героика и третье — широко развернутая церковная пропаганда далекой эпохи. Художественное значение их для нас равноценно, ибо мы подходим к ним только со стороны оформления, композиции и мастерства, а не по сюжетности.

Отхожие промыслы деревни, особенно связанные со службой в ресторанах, трактирах, биллиардных и т. п., также вызывали большое внимание у остряков лубка. Например, ряд изображений быта официантов или «половых» мы встречаем в период 80-х годов прошлого столетия. Отчасти это и понятно: слуга ресторана в народном представлении был ловкий, оборотистый, плутоватый и «образованный» человек. Быт его казался своеобразным, богатым наблюдениями и изучением психологии окружающих. На знании людей основаны были его «чаевые» доходы, а жил он среди самых запретных соблазнов

СПБ. т-во типо-лит. И. М. Машистова (Москва), Кнебель (Москва), Н. Д. Алексеев (Москва), Челноков (Москва, типо-лит. В. М. Ключникова (Казань), В. В. Думнов (Москва), Б. В. Кудинов (Москва), книгоизд. М. С. Козмана (Одесса), К° Рыжковых (Витебск), книгоизд. А. Е. Сазонова (Москва), типо-лит. П. А. Прокуронова и Н. И. Горюнова (Москва), т-во скоропеч. А. А. Левенсон (Москва), выпустивший ограниченное количество военных изображений империалистической войны, В. А. Чаров-Мирский (Москва) и др.

города. В связи с этим представлением и возникло не мало злословных выдумок, острых шуток и каламбуров, давших также темы для изображений лубка. Да и, кроме всего, с личностью официанта связывалась и личность посетителя ресторана — купца, барина, безнадёжного городского «прощальги» — щеголя или плута. Задевая характерные особенности быта слуги, пользовались случаем сострить и по адресу того, кому он служил, к кому с особым предубеждением и бессильной иронией относился основной потребитель лубочной продукции — трудящийся города и деревни.

Из большого количества лубков XIX века в этот альбом отобраны наиболее характерные в смысле содержания и стиля образцы, а также несколько изображений, не относящихся к лубкам, но все же в некоторой степени близких к примитиву бытовой картинки старой, сданной в архив истории царской России.

ЛУБОК — ИЛЛЮСТРАЦИЯ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

В преобладающем большинстве случаев русская народная песня является отражением, как бы пересказом какой-либо из сторон быта. Исключением из этого правила чаще всего служат песни игровые, увеселительные, сложенные для забавы и развлечения. Народный лубок является верной, типичной иллюстрацией бытовой фантазии, бытового, вложенного в примитивную поэзию образа.

Представляя не лишенную наивной прелести, хотя нередко и грубую замену настоящего искусства, лубок играл роль и хронологиста-историка и направителя мысли.

Песенный лубок, зарождаясь часто от народной темы, от народной фантазии, от народного музыкального слова, становился в конечном результате их верным образным историческим хранителем, спутником бытовой обстановки, являясь вместе с тем материалом для исследователя-фольклориста.

Изучение русского народного песенного лубка связано в настоящий момент с особым переживаемым нами массовым подъемом в области собирания ценных для словесника, музыканта и поэта всякого рода материалов по фольклору. Да и сам лубок, в преобладающем большинстве случаев, конечно, тот же изобразительный фольклор, печатная страница летописи народной жизни. Бережно-внимательное отношение к нему диктуется самим общественным интересом ко всякого вида народному творчеству. Если мы широко собираем четко обнажающую свою классовую природу народную песню, с особым тщанием отмечаем все ее разновидности, оттенки, периодические изменения, наносную речевую прослойку, то народный песенный лубок часто будет в этом случае нашим верным союзником и пособником.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 1. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

21,8 (с подписью 32,8) × 27,2 см¹.

Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

Волнующаяся река с лодкой, наполненной людьми в разнотипных костюмах. Гребцы-крестьяне одеты в кафтаны и поярковые шляпы; стоящий по середине лодки мужчина — в обычном для купцов или мещан картузе; сидящий же с веслом на носу — в высокой шляпе с большим пером и в подобии гравированных лат. Вдали берег, на нем дом и ожидающая путников в растворенных воротах женщина.

Подпись:

«Въ низъ поматушки поволги»...
и пр.

¹ Цифры здесь и в дальнейших описаниях картин указывают в сантиметрах размеры оригинала изображения. Первая цифра обозначает высоту, вторая — ширину.

НКП-РСФСР
БАЙКАЛЬСКИЙ
Государственный
Учительский институт
Иркутский
Консультационный пункт
Пед. УЗ'ов
1937 г.
№

№ 2. Изд. по оригиналу А. Белянкина, в металлографии Г. Чуксина. Москва. 1849.
16,3 × 26,2 см.

Экземпляр не раскрашен.

Конец деревенской улицы. Вдали — хоровод, играющая и прогуливающаяся молодежь. На переднем плане — речка, возле которой одетая в открытый сарафан и в пестрый, клетчатый передник девушка. На левом плече ее коромысло и деревянные ведра для воды. Слева — скрытая до половины кустом фигура крестьянского парня, снявшего с головы высокую перевитую лентами шляпу. Левую руку он прижимает к груди.

Подпись:

«Во всей деревне катенька
Красавицей слыла:
И въ самомъ дѣлѣ, дѣвица,
Какъ розончикъ цвѣла»...
и пр.

№ 3. Изд. в мет. Г. Чуксина. Москва. 1853.

17,4 × 26,2 см.

Экземпляр не раскрашен.

Встречались экземпляры, раскрашенные подмосковными кустарями района села Никольского.

Соседняя с деревней поляна, служащая пастбищем. Вдали — мужская фигура с собакой и стадо. Слева, на переднем плане, — дерево, под которым сидят крестьянская девушка и рядом с ней молодой, стриженный «под скобку» пастух. В левой руке последнего рожок владимирского типа. На земле высокая поярковая шляпа. Обняв девушку за плечи, пастух полусидит, согнув левую ногу в колене.

Подпись:

«Ванька съ Танькою сѣдить,
Танька Ваньки говорить.
Ванька Соколъ дорогой
Таньки пѣсенку пропой»...
и пр.

№ 4. Изд. в мет. А. Кузнецова. Москва. 1857.

23,6 × 36,8 см.

Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

Озеро. Лодка, в которой сидят парень, одетый в цветную рубаху, с ухарски надвинутой набекрень поярковой шляпой, и девушка. Последняя в нарядном цветном праздничном сарафане с плечевыми лямками и в «вышивном» московского типа кокошнике. В левой руке ее — цветная ширинка, намекающая на неизбежность прогулки с гребцом. За озером — вид на деревню, состоящую из шести изб. По бокам изображения — деревья. Слева под ними — пожилые мужчина и женщина, одетые в обычные крестьянские костюмы, видимо, говорят о парне и девушке. Мужчина указывает на них рукой, женщина, держась за грудь и приподняв вверх указательный палец правой руки, как-бы что-то вспоминает.

Подпись:

«Внизъ по рѣчиныкѣ струистой
Легка лодочка плыла.
И въ водѣ прозрачной чистой
Будто въ зеркалѣ была»...
и пр.

№ 5. Изд. в лит. Антона Абрамова. Москва. 1852.

24,5 × 38,3 см.

Экземпляр не раскрашен.

Встречались экземпляры, грубо раскрашенные подмосковными кустарями района села Никольского.

Долина с мельницей и пристройками к ней. Вдали — три крестьянских избы. В облаках — стаи летящих птиц. На переднем плане — девушка с веткой в руках гонит к пруду стадо старых и молодых гусей. Одега в обычный крестьянский сарафан и передник, на шее две «низки» бус, на голове — украшенный камнями кокошник московского типа.

Подпись:

«Вечеркомъ красна девица,
Напрудокъ состадомъ шла;
Черноброва круглолица:
Такъ гуськовъ домой гнала:
Тега тега тега тега вы гуськи мои домой»...
и пр.

№ 6. Изд. П. Н. Шарапова. Москва. 1865.

24,8 × 38,8 см.

Экземпляр не раскрашен.

Проезжая, спускающаяся под гору дорога с верстовым столбом, указывающим почтовые перегоны. Вдали — хоровод, мчащаяся с седоками тройка и крестьяне, сидящие на завалинке. На переднем плане — молодеватый ямщик остановил тройку лошадей, запряженную в крытый тарантас. В тарантасе — трое щеголеватых, одетых по городской моде, молодых людей. Возле группы — нарядная девушка в открытом сарафане, в расписанном цветами фартуке, в шитом московского типа кокошнике, с ширинкой в правой руке.

Подпись:

«Бхали ребята изъ Нова-города,
Красная дѣвица на улицѣ была»...
и пр.

№ 7. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

24,8 × 37 см.

Экземпляр не раскрашен.

Вдали ряд деревянных домов, среди которых двухэтажный кирпичный. В центре хоровод из шести фигур. Справа от хоровода приплясывающий игрок на рожке. Слева пожилой крестьянин из окна избы смотрит на хоровод; перед избой пожилая женщина сидит на деревянной скамье, опираясь левой рукой на палку, перед ней девушка.

Подпись:

«Небрани меня родная
Что я такъ люблю его
Скучно скучно дорогая,
Жить одной мнѣ безнего»...
и пр.

№ 8. Изд. в лит. А. Абрамова. Москва. 1876.

23,6 × 30,3 см.

Экземпляр раскрашен подмосковными кустарями района села Никольского.

Слева — беседующие пожилой и молодой крестьяне; последний указывает на группу пяти женщин. Три из них вырывают друг у друга сарафан. Справа одна держит оторванный кусок сарафана, другая разговаривает с ней, подняв вверх правую руку. В народном быту лубок истолковывался как сатира на семейный дележ «круты» или приданого.

Есть еще варианты той же темы.

Подпись:

«Какъ наулицъ шумять,
Сарафанъ бабы дѣлать,
...Кому клинъ дать Кому станъ,
Кому весь бы Сарафанъ»...
и пр.

№ 9. Изд. А. Белянкина. Москва. 1851.

16,1 × 25,6 см.

Экземпляр раскрашен подмосковными кустарями района села Никольского.

Холмистая долина с редкой порослью деревьев. Вдали стадо с двумя пастухами, из которых один играет на рожке. На переднем плане под деревом на холме, у подножия которого корзина с яркими большими цветами, сидит украшенная венком, одетая в праздничный высокий сарафан крестьянская девушка. Руки ее полусогнуты в локтях и в условно-изящном движении приподняты вверх. Перед ней длиннокудрый крестьянский парень в опоясанном кушаком зипуне, широких портах и сапогах. В левой руке он держит высокую поярковую шляпу, правой указывает на пастухов.

Подпись:

«Что съ тобою, Ангелъ стало?
Не слышать твоихъ речей;
Все все вздыхаешь — а бывало
Ты поешь какъ соловей»...
и пр.

№ 10. Изд. по собственному оригиналу Архипа Белянкина в мет. Г. Чуксина. Москва. 1850.

16,4 × 26 см.

Экземпляр не раскрашен.

Лесная поляна, хвойные и лиственные деревья. В центре, на переднем плане, — две гуляющих фигуры: крестьянский парень, одетый в «опоясанный» кафтан, в широкие порты и в сапоги «с набором», и девушка в длинном, отделанном тесьмой и позументом сарафане, в гладком кокошнике московского типа. Правая рука парня касается полей его высокой поярковой шляпы с лентами и перьями, а левая обнимает плечо спутницы. Девушка держит правую руку на бедре. На согнутой левой руке ее висит корзина с грибами.

Подпись:

«Какъ за рѣчькою, Какъ за быстрою, Въ темномъ во бору.	Брала дѣвица, Брала красная, Рыжики грибы»... и пр.
--	--

№ 11. Изд. в мет. В. Зернова. Москва. 1854.

25,8 (с подписью 32,8) × 28,2 см.

Экземпляр не раскрашен.

Деревенская улица. Вдали — две мельницы и луг, где происходит уборка сена. В центре — три пары крестьян — мужчин и женщин, дерущихся между собой. На переднем плане, украшенном большим цветком, возле дерева — нарядная девушка с деревянными ведрами в руках. За ней идут типично одетые молодые деревенские ухаживатели. Манера мастера придает оттиску большое сходство с гравюрой.

Подпись:

«Во всей деревни Катинька
Красавицей слыла»...
и пр.

№ 12. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

27,1 × 28,4 см.

Экземпляр не раскрашен.

Городская площадь. Церковь, недалеко от которой извозчик с экипажем — дрожками старого типа. По обеим сторонам лубка дерева. В центре — хоровод из пестро одетых девушек. Справа — крестьянин, гуляющий с женой, слева — барин во фраке, под руку с нарядной дамой. Сзади бар — лакей в треуголке, мундире и с пледом на согнутой правой руке.

Подпись:

«Унась было на улицъ,
Унась было на широкой!
...Красны дѣвки разыгрались.
Молодушки расплясались»...
и пр.

№ 13. Изд. А. Белянкина. Москва. 1849.

16,4 × 26 см.

Экземпляр не раскрашен.

Внутренность крестьянской избы в ночное время. С правой стороны — окно, возле которого постель с лежащей на ней, облокотившейся на локоть женщиной. Возле скамьи с дремлющим котом. Над постелью два портрета — военного и дамы; висящие на гвоздях «телогрея», сарафан и платок; полка со свернутой тканью, укладкой, флаконами и т. п. Под постелью виден сундук с железной скобой-ручкой. С левой стороны, несколько поодаль, — угол другой постели, на которой спят две женщины. Ближе к первому плану — скамья с донцем, гребнем для льна и с корзиной, наполненной навитыми веретенами и клубками пряжи. В центре — высокий «светец» на крестообразном деревянном основании, с горящей в нем лучиной, и фигура молодого крестьянина, приближающегося к женщине. Волосы его «пробраны» на две стороны, концы их лихо закручены. На нем отороченная мехом и опоясанная кушаком шуба, шейный, повязанный бантом платок и сапоги «с отворотами». Под правым локтем он держит меховую шапку, в руке перчатки. Левая рука протянута к лежащей.

Подпись:

«Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, неясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?»...
и пр.

№ 14. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют. Встречались такие же листы, изданные в типо-лит. И. Е. Ермакова. Москва. 1894.

24 × 35,5 см.

Экземпляр не раскрашен.

Улица в деревне. Возле ближнего дома, на центральном плане, — девушка, открывающая ворота. К дому в тарантасе подъехал ямщик. Он сошел с облучка и, держа в опущенной правой руке перчатку, приподнимая левою высокую, обвитую лентами шляпу, идет к воротам.

Изображение на лубке верстового столба создает впечатление «прогонного тракта».

Подпись:

«Ты настасья, ты настасья,
Отворяйка ворота»...
и пр.

№ 15. Изд. в лит. Е. Яковлева. Москва. 1868.

24,7 × 38,1 см.

Экземпляр раскрашен подмосковными кустарями района села Никольского.

Гулянье крестьянской молодежи в «семик» возле украшенного лентами дерева. Группа из одиннадцати фигур. На девушках сарафаны, передники, «опояски» и шитые московского типа кокошники с бусами. На мужчинах рубахи «на выпуск», кафтаны, широкие порты, сапоги и высокие поярковые шляпы. Слева — парень, играющий на гармонике. Тулья его шляпы украшена венком из цветов. Справа — шатер из материи, в котором девушка, сидящая возле покрытого скатертью стола, занята плетением венков. В центре, на переднем плане, — один из участников гулянья снял шляпу, и две девушки пытаются надеть ему на голову венки.

Подпись:

«Ай во полѣ! ай во полѣ!
Ай во полѣ липанька! Подъ липою, подъ липою
Подъ липою бѣль шатерь»...
и пр.

№ 16. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

24,9 × 36,2 см.

Экземпляр не раскрашен.

Возле холмистой местности, через которую протекает ручей, несколько крестьянских строений. Четыре коровы подходят к загону двора. В центре — три фигуры крестьянок; две из них держат в опущенных руках корзины. Сзади них мальчик. Слева — на лошадях три всадника в городских костюмах и в высоких широкополых шляпах. Первый из них подъехал к одной из крестьянок. Здесь же две бегущие собачки.

Иллюстрация связанной с бытовой историей подмосковной вотчины «Останкино» популярной народной песни: «Вечер поздно из лесочку я коров домой гнала»...

Подпись:

№ 17. Изд. в мет. В. Зернова. Москва. 1866.

24 × 35,4 см.

Экземпляр не раскрашен.

На фоне ровно подстриженных деревьев, прудов с островами и затейливого здания с флагом на шпилье — видимо, помещичьих владений — группа крестьян: мужчин и женщин, поющих и пляшущих под балалайку и рожок владимирского типа. На первом плане слева, сидя на деревянной скамье близ украшенной резьбой избы, беседуют женщина и грустно опустившая вниз голову девушка. Манера мастера приближает лубок к типу гравюры.

Подпись:

«Нешей ты мнѣ, Матушка красный сарафанъ.
не входи радимая, по пусту въ изъ янь»...
и пр.

№ 18. Изд. в мет. А. Лаврентьевой. Москва. 1857.

23,8 × 38,7 см.

Экземпляр не раскрашен.

Наружный вид депо железной дороги с выходящим из него примитивного вида поездом. Два машиниста находятся на открытом паровозе. На первой прицепной площадке находятся одиннадцать пассажиров, далее следуют вагоны, имеющие сходство с домами на колесах. По другому пути проходит встречный поезд. К депо на одноконных телегах подвозят тюки с товарами. На заднем плане — вид окраин старой Москвы. С правой стороны — крупные фигуры крестьян и городских жителей, рассуждающих друг с другом.

Подпись:

«Близъ Красныхъ воротъ, Мѣсто чудо просвѣтилось;
Что на лѣво поворотъ, Тамъ диковинка явилась»...

и пр.

№ 19. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

22 × 29 см.

Экземпляр не раскрашен.

На лужайке, при выезде из селения, возле хвойной поросли две фигуры крестьян: парня и девушки. Первый играет на самодельной флейте, вторая танцует. Слева — лошадь, запряженная в телегу. Костюмы фигур — обычные для народного лубка.

Подпись:

«Въ Селѣ маломъ Ванька жилъ,
Ванька Таньку полюбилъ»...

и пр.

№ 20. Изд. в лит. Г. Чуксина. Москва. 1853.

16,4 × 25,8 см.

Экземпляр не раскрашен.

На заднем плане — деревня с гуляющими по улице четырьмя девушками и опирающейся на палку старухой. В центре — две фигуры щеголеватых крестьянских парней, одетых в обычные для лубка народные костюмы. Они указывают на девушек. В руках одного из изображенных миниатюрная балалайка. От деревни щеголей отделяет река, через которую перекинут мост с резными перилами.

Подпись:

«Деревня отъ деревни Промежду эти деревень
Не подалеку стоитъ Рѣчка Вологда бѣжитъ»...

и пр.

№ 21. Изд. в мет. В. Шарапова. Москва. 1850.

22,2 × 33 см.

Экземпляр раскрашен мастерами кустарями.

В лесу, по снежной гористой дороге мчится запряженная в кибитку тройка лошадей. Ее преследует стая нападающих волков. В глубине кибитки женщина и военный. Последний выстрелил из пистолета и убил одного из волков. Ямщик усиленно подгоняет лошадей.

Одна из очень распространенных тем лубка. Встречается в многочисленных печатных и живописных вариантах.

Подпись:

«Лихой ямщикъ на тройкѣ мчался
Въ степи пространной, снѣговой»...

и пр.

№ 22. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

26,3 × 39,6 см.

Экземпляр не раскрашен.

Встречались экземпляры грубой раскраски подмосковных кустарей района села Никольского, изд. в типо-лит. И. Е. Ермакова. Москва. 1894.

Слева — две крестьянских избы, справа — несколько деревьев и женщина, ведущая коня. На первом плане, в центре, — пляшущая пара, справа — крестьянская девушка, стоящая под руку с парнем; слева — такая же пара наблюдающих пляску и сидящий на деревянной скамье бородатый крестьянин. Последний, сдвинув на левый бок высокую поярковую шляпу, играет на балалайке.

Подпись:

«Волузяхъ, волузяхъ
Волузяхъ, зеленыхъ лузяхъ!
Выросла выросла
Выростала трава шелковая»...
и пр.

№ 23. Изд. в мет. П. Н. Шарапова. Москва. 1858.

36,4 × 30 см (с текстом в рамке).

Экземпляр не раскрашен.

В верхнем левом разделе лубка изображен пахущий крестьянин. Как бы что-то соображая, он одной рукой касается лба. Вдали также пахарь, присевший на бревно и принимающий обед из рук женщины. В правом верхнем разделе — крестьянин, держа в руке ветку дерева, объясняется с полной, нарядной женщиной. За спиной крестьянина — лошадь, возле женщины — петух, курица и прислоненное к столбу навеса колесо. В нижнем разделе крестьянин, сняв высокую шляпу, кланяется в пояс той же женщине.

Подпись:

«Мужикъ пашенку пахаль
Самъ на солнышко глядѣль.
Какъ другимъ-то мужьямъ жены
Ужъ и завтрекать несутъ»...
и пр.

№ 24. Изд. в мет. Логинова. Москва. 1858.

20 × 34 см.

Экземпляр не раскрашен.

Мощная камнями улица с низким забором и верстовым столбом. На первом плане — две фигуры: полной, одетой по-мещански женщины, несущей на правом плече коромысло с ведрами, и мужчины в крестьянской рубашке «на выпуск», в короткополом, подпоясанном кушаком кафтане. В левом ухе его серьга — знак старшинства в семье. Правой рукой он приподнимает высокую поярковую шляпу, украшенную крупным цветком. Изображения носят характер шаржа.

Подпись:

«Поулицѣ мостовой
Вдоль дорожки столбовой
Шла красотка заводой»...
и пр.

ЛУБКИ, РИСУЮЩИЕ БЫТ КРЕСТЬЯНИНА И СЛУЖАЩЕГО И ОТРАЖАЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Песенный лубок, иллюстрируя деревенскую поэзию, иллюстрирует одновременно и быт. Разграничить лубок этого раздела от лубка специально бытового почти невозможно.

Исследуя по лубку бытовые черты, мы невольно знакомимся с песней; изучая последнюю, мы наталкиваемся на подробности социальной обстановки. Справедливее поэтому внести в новый раздел лишь то, что несколько ярче и нагляднее подчеркивает особенности среды. А особенностей этих не мало, они выступают и в изображениях игровой забавы и полевой работы, и в каламбуре, и в анекдотической выдумке, и даже в сюжете семейной ссоры. Если иногда те или иные штрихи лубок доносит до нас в не вполне серьезной форме, придавая им оттенок карикатурности, то это не может умалять его значения. За шуточным изображением в нем всегда скрывается правдивая сущность. Насмехаясь над городским служащим, он вместе с тем рисует нам его тяжелую долю; изображая пахаря, бранящего свою жену за поздний принос еды, он подчеркивает ведущую роль женщины в быту крестьянина и пр. Изображая деревенскую улицу, художник не забудет порой таких мелочей, как игра «в бабки» или «козны»; в избе он напомним деталями о ее внутреннем хозяйственном распорядке; в производственном процессе сохранит приемы пряжи, пахаря, плотника и т. п.

Классовая сущность фольклора воспринимается через анализ обрядовой стороны народной жизни, а также через изучение песенных текстов, присказок, говорков и всякого рода поэтических образцов. Ту же классовую сущность развертывает перед нами и лубок. Он выбирает своими темами долю бедняка, кулацкую алчность, сильного и слабого, сословное неравенство, сытость и голод, труд и тунеядство, разбираясь в них самостоятельно и увлекая на этот путь других.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 25. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

23 × 33,5 см.

Экземпляр не раскрашен.

Встречались экземпляры, грубо раскрашенные подмосковными кустарями района села Никольского, изд. лит. П. А. Глушкова. Москва. 1878.

Лубок на тему стихотворения поэта Кольцова «Что ты спишь, мужичок...».

Налево разрез покосившейся избы. Внутри, на печи спит крестьянин; в дверях, взяв метлу, ходит домовый. В центре, в боковое окно избы высунулась вторая, схожая со спящим,

мужская фигура. Справа — разрез второго дома, где, стоя возле накрытого стола, угощаются три крестьянина. На переднем плане — крестьянин везет на санях поклажу. За зданием — две свободно бегающих лошади.

Подпись: текст стихотворения.

№ 26. Изд. в мет. А. Лаврентьевой. Москва. 1856.

21,8 × 32,4 см.

Экземпляр носит следы выцветшей раскраски.

На фоне деревенских строений и холмистой местности пахарь с сохой. Сзади его — бегущая собака. На втором плане, слева, — женщина, несущая кувшин и пироги. Яркое светит солнце.

Встречались однородные лубки изд. А. Абрамова. Москва. 1876.

Подпись:

«Мужикъ пашенку пахальъ,
Самъ на солнышко взираль»...
и пр.

№ 27. Изд. П. Н. Шарапова. Москва. 1848.

24 × 22,9 см.

Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

Среди деревенской улицы — идущие на полевые работы мужчина и женщина. Мужчина — в зипуне, в высокой шляпе и в полосатых портах «на выпуск»; на ногах его лапти, на плече коса. Женщина — в нарядном сарафане, в переднике и в украшенном лентами кокошнике. Белые чулки и туфли дополняют наряд, мало похожий на рабочий. В левой руке она держит грабли.

Подпись:

«Я пойду, пойду касить
Во зеленый лугъ!»...
и пр.

№ 28. Изд. Дациаро. Москва, СПб (года нет). Художник Белоусов.

22,3 × 18 см.

Одноцветный экземпляр, печатанный с камня.

Крестьянин и крестьянка, одетые в обычные летние костюмы.

Подпись:

«Paysans des environs de Moscou».
(Подмосковные крестьяне).

№ 29. Изд., манера печатания и пр., одинаковые с предыдущим листом. Художник Белоусов. 1843.

22,3 × 18 см.

На фоне деревенского строения — одетые в зимние костюмы фигуры украинских крестьян — мужчины и девушки.

Подпись:

«Крестьяне в зимнее время».
«Paysans en hiver».
«Costumes de la petite Russie».

№ 30. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

24,1 × 38,1 см.

Экземпляр не раскрашен.

Картинка из двух частей:

1. Деревенская окраина. Служащий городского трактира возвращается пешком домой. Возле верстового столба его встречают отец, мать, мальчик и девочка. «Трактирщик» в худых кафтане и брюках, в опорках на босую ногу, с пустым мешком, перекинутым на палке через плечо, раскланивается с родными.

2. В избе родителей прилично одетый трактирщик дает объяснение о своем поведении. Отец сидит на лавке, бросил плести лапти и грозит сыну кнутом; рядом, возле гребня и донца, мать за прядением. Близ фигуры вернувшегося — дети.

Подпись:

«Возвращение на родину изъ Питера промотавшагося трактирщика

Я съ хозяиномъ расчелся,
ни чево мнѣ не пришлось!»...
и пр.

№ 31. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

20 × 32,7 см.

Экземпляр не раскрашен.

Внутренность крестьянской избы. Прямо — зеркало, наклеенная на стенку картинка и окно. Слева — печь и полка с посудой. Справа — висячий рукомойник и полотенце. Рядом с печью — скамья, на которой нарядная женщина прядет с гребня. У рукомойника, на другой скамье, — плетущий лапти крестьянин и на полу дерущий лыко мальчик. На полу в разных местах: кролики, грызущие зелень, курица с цыплятами, лежащая кошка и играющий с клубком котенок.

Подпись:

«Пряди моя пряха,
Пряди не лѣнися»...
и пр.

№ 32. Изд. А. Абрамова. Москва. 1857.

20,8 × 36,3 см.

Экземпляр не раскрашен.

Комната богатой крестьянской избы, оклеенная обоями разного рисунка: на центральной стене — с цветочным орнаментом¹, на правой — в крупную клетку. Между окон — украшенное полотенцем зеркало с резным верхом. На скамье, вдоль стены, три мужских и три женских фигуры. Справа, за празднично накрытым столом — пьющий вино крестьянин, старик с поднятыми вверх руками и стаканом в одной из них, пожилая нарядная женщина, видимо, сваха, и стоящая пара новобрачных. Слева, у входной двери — также чета входящих молодых крестьян. На первом плане — два рассуждающих между собой старика. Все одеты в нарядные костюмы.

¹ В типе образцов обоев, приводимых ниже в альбоме.

Встречались экземпляры, раскрашенные мстерскими кустарями.

Подпись:

«Русская свадьба
Государь ты нашъ Батюшка.
Свѣтъ Андрей Прохоровичъ»...
и пр.

№ 33. Изд. в мет. Ивана Мартианова. Москва. 1855.

20,5 × 28,4 см.

Экземпляр не раскрашен.

Окаймленная хвойной порослью поляна. Справа вдаль — две крестьянских избы с дворами; на первом плане — группа из семи, взявшихся за руки, крестьянских девушек. Одна из них, стоящая посередине, приподняла руки и как бы танцует. Слева — сидящий под деревом, играющий на рожке пастух. У ног его собака, вблизи стадо. Все женские фигуры и мужская одеты нарядно: первые — в обычном стиле лубка, вторая — в широкий кафтан и сапоги «с отгибами», на которые в знак щегольства выпущены петли для надевания.

Подпись:

«Не будите молоду
Ранымъ рано поутру;
Разбудите молоду
Когда солнышко взойдетъ»...
и пр.

ГОРОДСКОЙ РОМАНС И ОБЫВАТЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ В НАРОДНОМ ЛУБКЕ

Обывательский вульгарный романс, куплет и упадочническая поэзия нашли свое отражение в русском народном лубке. Отзвуки городской лирики в печатном рисунке, отвечая вкусам основного потребителя-мещанина, проникали в подлинную народную среду, воспитывая и переделывая ее вкусы.

В прекрасную самобытную фольклорную песню деревни периодически врывались чуждые ей по духу элементы. За ними шел лубок, угодливо выпускавшийся рядом провинциальных поставщиков этой продукции, подмечавших всякий рыночный спрос и моду. Поэтому во многих случаях изобразительная листовка была как бы популяризатором той или иной городской темы. Но случилось, несомненно, и так, что романс и городская песня возникали вслед за изображением. Вообще трудно с точностью сказать, был ли народный лубок отражением упадочнического творчества или вдохновителем его. Так или иначе, но в глухих поволжских деревнях, на стенах крестьянской избы я видел на почетном месте картинки на темы: «Под вечер осенью ненастной»., «Чем тебя я огорчила...» и «С нежной верности обетом...».

Романс и песня, в слове и рисунке, были во всяком случае одним из первых путей, связавших культуру городского мещанства с чистой, самобытной поэзией народа.

Одна из излюбленных тем лубка этого раздела «прощание с предметом своей страсти отправляющегося в поход военного».

ОПИСАНИЕ ЛИСТА

№ 34. Изд. в мет. А. Морозова. Москва. 1857.

24,2 × 36,8 см.

Экземпляр не раскрашен.

Один из вариантов темы. Вид на горы, у подножия которых мчится разделенная на три группы конница. На первом плане справа—крыльцо дома с окном, украшенным скульп-

турой, изображающей цветочную гирлянду. Поднявшись на ступени, офицер, держа в поводу оседланного коня, прощается с плачущей женщиной. Левые руки обеих фигур соединены. Костюм женщины — городского типа, состоящий из колоколообразной юбки и жакета.

Подпись:

«Ты не плачь, не горюй,
Моя миленькая!»...
и пр.

ЛУБКИ, ОТРАЖАЮЩИЕ БУРЖУАЗНО-МЕЩАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА БЫТ НАРОДНОСТЕЙ

Из лубков песенного типа можно выделить еще на особое место изображения, условно отражающие быт отдельных народностей. Мы встречаем их на положении иллюстрации, в обязательном соседстве с ходовым романсом куплетного типа, припевкой, анекдотом. В лубках этих чаще всего отражен, конечно, городской быт с его отрицательным налетом на подлинно природную культуру каждой народности, основу фольклорного изучения.

Главным героем подобного лубка явился профессиональный увеселитель старого времени — цыган, певец, плясун и попутчик ресторанного разгула.

После цыган, по трудно объяснимой причине, были в ходу красочно и пестро одетые (вероятно, как лихие исполнители гопака) украинцы. Их не связывали с опошленным романсом, но непременно соединяли с национальным песенным текстом. Изредка встречались, впрочем, и лубки, большей частью литографированные, посвященные только бытовым эпизодам. И те и другие типичны для раздела, характеризующего односторонний шаблонный взгляд на быт народностей.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 35. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

21,9 × 32,7 см.

Экземпляр не раскрашен.

Возле украинской мазанки и нескольких деревьев пляшут одетые в военного типа костюмы два казака. С ними две девушки, из которых одна бьет в бубен. Справа, в открытом окне хаты, — фигура парубка; возле два музыканта: казак, играющий на рожке, и еврей — на цимбалах. Тут же лающая собака. Слева, на последнем плане, четверо мужчин и одна женщина наблюдают пляску. В очертаниях дерева, трав и бугров чувствуется несомненное заимствование от стиля поморских изображений XVIII века. В этом отношении приводимая картинка носит следы большого сходства с изображением на тему «Трудолюбивый медведь» (стр. 115, № 61). По ряду признаков можно предполагать, что обе картинки исполнены рукой одного мастера.

Оттиски, имевшие большое распространение.

Встречались грубо раскрашенные неизвестными мастерами.

Подпись:

«Казацкій праздникъ
Сиде голубъ на тычинкѣ, голубка на вышна»...
и пр.

№ 36. Изд. А. Кузнецова. Москва. 1856.

22×31 см.

Экземпляр не раскрашен.

На окруженной редкими деревьями поляне остановилась крытая кибитка, в которой видны две фигуры. Возле — отпряженная лошадь и на земле сидящие у костра цыган и цыганка. Слева, на первом плане, — двое пляшущих мужчин и женщина. Последняя бьет в бубен, а ее партнеры играют на подобии украинской бандуры и кастаньетах.

Подпись:

«Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ
Но съ шастливей веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ»...
и пр.

ЧИНОВНИЧЕСТВО И ПРИМИТИВНАЯ САТИРА НА ГОРОДСКИЕ ПРОФЕССИИ, А ТАКЖЕ НА КУЛАКА, КУПЦА, РОСТОВЩИКА И Т. П.

Русский народ с древнейшей поры представлял себе чиновника, в силу реально бытовых фактов, жестоким вершителем закона, любителем «телесных наказаний», непременным «мздоимцем» — взяточником, трусом, пьяницей и обкрадывателем государственной казны. Достаточно просмотреть такие лубки XVIII века, как «Шемякин суд», «Подъячий и смерть» и т. п., чтобы убедиться в точности этой характеристики.

Немудрено, если позднейший народный лубок в свою очередь, следуя традициям XVIII века, отразил в себе отрицательно-характерные черты чиновничества и наглядно иллюстрировал мнение о чиновниках той среды, того класса трудового населения, среди которого имел основное распространение.

Городские профессии учителей, врачей, дантистов, цирюльников и т. п. также давали в старину содержание рассказам, прикрашенным фантазией досужих остряков.

При скудости общественных интересов темы эти могли долго казаться занимательными.

Народный лубок, начиная с 50-х годов, также проникался анекдотическими настроениями. Карикатурные изображения городских профессий мы встречаем в ряде довольно разнообразных оттисков.

Не миновали лубка и многоликая вереница старого русского купечества, ростовщики, кулаки, подрядчики и т. п.

Вся эта галерея отживших свой век типов составляет существенную часть настоящего раздела.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 37. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

29 × 25,8 см.

Экземпляр не раскрашен.

Комната с окном. Возле окна два стула, один из которых опрокинут на пол. Тут же упавшая шляпа-цилиндр. На стенах зеркало и два листа бумаги с надписями:

«Благодарность. Зубному врачу Зуборванову за легчайшій способъ, за выдергиваніе; здоровыхъ зубовъ» и «Зубной парашокъ и Эликсиръ; для вернѣйшаго и самоскорѣйшаго выпаденія зубовъ».

Слева — стол, на котором флакон с рецептом, кружка и аптекарская ванна. Лекарь, во фраке и узких брюках со штрипками, выдергивает с ожесточением «козьею ножкой» или крючком зуб мужчине, опрокинутому на спину мускулистого служащего.

Подпись:

«Господинъ: Батюшки, отцы родные, помилосердуйте! втрое заплачу! только пустите!»...
и пр.

№ 38. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

24,3 × 37,4 см.

Экземпляр не раскрашен.

Богача, лежащего на постели, окружили семь чертей с их «начальником», отличающимся от всех размерами и когтями на крыльях. Первый из чертей поднял вверх и придерживает руки богача, второй давит ему на грудь громадным долотом, третий держит воронку, четвертый железным ковшом льет ему в живот расплавленный металл, пятый в иглу гигантских размеров вдевает канат, шестой высыпает в котел, вмазанный в кирпичную кладку, мешок с золотом и седьмой кузнечными мехами раздувает под ним пламя. Начальствующий чорт стоит в изголовье и распоряжается всем происходящим. В комнате открытый шкаф с массивной вазой, окованный железом сундук и четыре туго наполненных мешка.

Подпись:

«Сонъ богача.
Жиль былъ купецъ скупяга»...
и пр.

№ 39. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

19,8 × 34,3 см.

Экземпляр не раскрашен.

Комната с решетчатыми окнами, в которой происходят две сцены из жизни скряги. Справа чорт открыл окованный сундук, наполненный золотыми монетами, на крышке которого неразборчивая надпись: «нежадниче а... какъ на... что некуда ужъ клась». Чорт указывает на золото. Рядом на скамье скряга, тянущийся к содержимому сундука. В левой руке у него мошна, у ноги — вторая, из которой сыпятся сокровища. Открытый замок лежит на полу. В центре обмотанный тканью чорт убегает. Слева на окованном сундуке лежит мертвый скряга, зажав в руках ключ и замок. Возле него также чорт. На полу горящая свеча и туго набитая мошна.

Подпись: текст басни Крылова.

№ 40. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

20,2 × 34 см.

Экземпляр не раскрашен.

Изображение разделено на две части. Слева коммерсант, сидя за столом, делает выкладки на счетах, возле него жена и двое детей. Шкаф с книгами, стенные часы с гириями и окно. На столе письменный прибор и тетрадь с надписью «журналъ». Справа внутренность магазина с надписью «продажа шелковыхъ мате...» Полки магазина почти пусты. Четыре щеголеватых приказчика расхищают товары.

Помимо приведенного встречались тождественные экземпляры, раскрашенные подмосковными кустарями района села Никольского и изд. в лит. П. А. Глушкова. Москва. 1876.

Подпись:

«Хозяивы горюють а прекащички перують»...
и пр.

№ 41. Изд. П. Н. Шарапова. Москва. 1858.

28,9 (с подписью 37,6) $\times$ 31,4 см.

Экземпляр не раскрашен.

Изображение дома, из трубы которого вылетело три типичных, весело настроенных купца. Первый, вежливо, раскланиваясь с кредиторами, держит левой рукой бутылку шампанского. Над ним надпись: «Вина я много пилъ, за то въ трубу и укатилъ». Второй тащит за волосы женщину. Надпись: «Анютачка меня подъ дѣла, и Капиталець Весь мой съѣла», а третий—колоду карт. Надпись: «Я сильно Карты полюбилъ. Что Было, все нанихъ спустилъ». Внизу — растерянный кредитор в клетчатых со штрипками брюках, во фраке и в шляпе заграничного фасона, рядом с ним — лукаво смеющийся, взмахнувший руками крестьянин.

Подпись:

«Воздушное Путешествіе.

Вотъ какъ въ трубу вылетаютъ, Кредиторовъ удивляютъ»...

и пр.

№ 42. Изд. в мет. Логинова. Москва. 1858.

22,8 $\times$ 26,1 см.

Экземпляр не раскрашен.

Комната купеческого дома. На заднем плане, на стене над диваном, — два портрета, мужской и женский. Слева — фортепиано и настенная керосиновая лампа. Возле фортепиано сбоку помещен сидящий, щеголевато одетый, дирижирующий учитель пения. За инструментом поет купеческая дочь. Справа — стол, за ним два пьющих из стаканов купца. Ближний, подняв руки, танцует, сидя на стуле.

Подпись:

«Учитель пѣнія»...

и пр.

№ 43. Анонимный оттиск XVIII века (воспр. Ровинским).

26,4 (с подписью 35,2) $\times$ 27,9 см.

Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

Изображение анекдотической выдумки о «подъячем и смерти». В фантастически отделанной комнате с арками, за столом с письменными принадлежностями и бутылкой вина сидит мужская фигура в кафтане, чулках и туфлях. Перед ней смерть с косой.

Подпись:

«Пословица змея хотя и умираетъ азелья все хватаетъ»...

и пр.

№ 44. Изд. в мет. П. Н. Шарапова. Москва. 1858.

13,2 (с частью подписи 14,5) $\times$ 41,2 см.

Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

В верхней части лубка изображены следующие три эпизода: а) слева — деревенский кулак, которому, сняв шляпы, кланяются два встречных крестьянина; подпись: «Ипата уважають. Заденьги почитаютъ»; б) в центре — деревенский кулак, притворяясь бедняком,

сам кланяется двоим, не отвечающим на поклон крестьянам; подпись: «Ипатъ нахитрость пустился Беднымъ притворился»; в) справа — кулак стоит с туго набитой мошной, ему кланяется крестьянин; подпись: «Ипатъ накошель съ золотомъ указалъ Ему кланятся приказалъ».

Общая подпись:

«Сказка пробогатаго Ипата; какъ онъ узналъ, кого лють чесной уважалъ»...
и пр.

Внизу мелкая неразборчивая подпись:

«Умъ Другій только лишь въ каретѣ,
(Бо)гачъ уменъ всегда насвѣтъ;
...(во)всѣ нежеветъ
Авсежъ заумнаго слыветъ
Апѣшеходъ ученый умный
На этимъ свѣтъ полоумный».

ЛУБКИ, ОТРАЖАЮЩИЕ МЕЩАНСКИЙ БЫТ И ВКУС

Мещанский вкус — это вкус привязанного к собственности, уюту, обстановке и обывательским привычкам мелкого горожанина, врага всего индивидуально ценного. Мещанское мирозерцание — одно из отживших свой век наследий прошлого. С понятием о нем неизбежно связывается представление об условном, отсталом и будничном понимании красоты и существа жизни. Мещанин — синоним вульгарности, пошлости. В искусстве он ценит только то, что отражает его психологические настроения, является составным элементом его убеждений.

Издатели лубочных изображений или картин, могущих радовать глаз и сердце мещанина, прекрасно учитывали запросы и интересы своего потребителя. Поэтому в изобразительных произведениях мы ближе всего чувствуем натуру мещанина, яснее и нагляднее проникаем в его сущность. Иностранцы, без оснований считавшие население старой России отсталым в культурном и нравственном отношении, в свою очередь, подходя по-деловому, снабжали нас дешевыми товарами своей фабрикации. В области лубка и литографии не мало мещанской продукции доставлено к нам из-за границы. Таковы: «образцы мужской и женской красоты», экзотически-сентиментальные сюжеты и пр. Мещанин обязательно был набожен и мистичен. Он верил во все, что преподносила ему авторитетная в его глазах бульварно-базарная печать, он следовал тем представлениям о совершенстве, которые рисовала для него рука мало одаренного или продававшего свои способности художника. Его вкус развивали на пошлом отображении его собственной фантазии. Отсюда — выпуски «оракулов-чародеев», «таблиц царя Соломона», семейных, любовно-анекдотических или сентиментальных картинок, иллюстраций к домашним играм и т. п. Это «музей дурного вкуса и воспитания», показывающий, чего должен избегать каждый, вступивший на путь освоения истинного, острого интереса к новой строящейся жизни.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 45. Изд. Marotte. Париж (года нет).

27 × 23,3 см.

Одноцветный экземпляр, печатанный с камня.

Идеал женской красоты. Картинка, служившая для украшения стен старых ателье мод, цирюлен и парикмахерских.

Подпись:

«Claire. Clara».

№ 46. Изд. Miné. Париж (года нет).

27×22 см.

Одноцветный экземпляр, печатанный с камня.

Идеал мужской красоты. Картинка, служившая для той же цели, что и предыдущая.

Подпись:

«Jules. Julio».

№ 47. Изд. в лит. Е. Яковлева. Москва. 1868.

39,2×31 см.

Экземпляр раскрашен подмосковными кустарями района села Никольского.

Таблица карточного оракула.

Надпись:

«Новѣишій карточный оракуль».

№ 48. Изд. в тип. П. В. Бельцева. Москва (года нет).

25×18 см.

Экземпляр не раскрашен.

Вариант гадательной таблицы «Царя Соломона».

Надпись:

«Гадательная книжка царя Соломона».

№ 49. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

28,6×35,8 см.

Экземпляр не раскрашен.

Лубок для тира.

Подпись:

«Охота на Слона за Тигромъ».

ПРИМИТИВНЫЙ РИСУНОК НА БЫТОВЫХ ОБОЯХ

Собраний образцов старых дешевых обоев у нас не существует, между тем, знакомясь с их разновидностями, нельзя не прийти к выводу, что и они, представляя значительный художественный интерес, являются отраслью народной лубочной картинки. Мне приходилось, объезжая в 1906—1907 годах провинциальные уездные города, села и деревни б. Нижегородской губернии, наталкиваться на пестрые экземпляры этого вида печатной продукции, но желание получить их хотя бы в незначительных отрывах и обрезках каждый раз наталкивалось на непреодолимые препятствия, в виду невозможности портить стены комнат сдиранием с них прочно наклеенной бумаги. Уездные же магазины и базарные лавки, куда я обращался во время розысков, переходили уже в этот период на торговлю новыми, более усовершенствованными и «облагороженными» типами обоев, гнушались старого образца и не сохраняли его остатков. Поэтому коллекция моя в этой отрасли весьма ограничена и не претендует на полноценный перечень примеров.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 50. Образец обоев. Даты и сведения о выпуске отсутствуют.
63×48 см.

По голубому фону изображения: а) в верхнем ярусе — гуляющие на деревенской улице четыре украинца, из которых один играет на скрипке, и б) в нижнем — проезжая дорога с всадником, автомобилист, две нарядные, одетые по городской моде 90-х годов щеголихи, художник, сидящий под деревом за мольбертом, с кистями и палитрой в руках, мчащийся велосипедист, воздушный шар в облаках и пейзаж, на котором видны озеро,

гребцы в лодке, казенного типа здания с флагами на шпилях и провинциального типа жилые строения. Мысль мастера — показать соответствовавшие эпохе технические достижения.

№ 51. Образец того же рода, что и предыдущий.

65 × 47 см.

Птицы и цветы зеленые с синим по желтому фону.

№ 52. Образец того же рода, что и предыдущий.

60 × 48 см.

Фантастические птицы, бабочки и цветы по желтому фону.

ЛУБОЧНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ, ВЫСМЕИВАЮЩИЕ МОДЫ

Всякая мода, всякое новшество приходили к нам от иноземцев с Запада. Запад в представлении русского народа был непонятным, загадочным и заразным источником, от которого являлось все, что шло в разрез с старым, дедовским, исконным обычаем и с религиозной традицией. Когда Петр I рядил в немецкие и голландские костюмы высшую знать старого С.-Петербурга, армию, чиновничество и состоятельные классы, простой народ видел в этом «пришествие на землю антихриста», тайно проклинал преобразователя, иронизировал над новшествами и сочинял про них многочисленные анекдотические рассказы. Классовая ненависть к барству и привилегированным служебно-официальным кругам, которые были отделены от массы чуждыми ей особенностями, роскошью и новизной быта, легко переносилась на подробности жизненного уклада и прежде всего на костюм. Припрятанная боязливая и осторожная сатира на бар проглядывает во многих деталях народного искусства. Если мы возьмем старинные кружевные подзоры XVIII и XIX веков, плетенные в б. Московской, С.-Петербургской и Нижегородской губерниях, мы найдем в них, рядом с фантастическим узором, сады, дома, целые процессии и гулянья. Приглядываясь к человеческим фигурам, мы должны будем признать в них карикатуры на тогдашнего времени франтов и франтих. И карикатуры эти получились не от художественно безграмотной руки мастера; в них чувствуется подчиненное определенному художественному представлению мастерство. Их, несомненно, делал способный, подчеркивавший все, по его мнению, смешное художник-примитивист. Донце прялки б. Нижегородской губернии из района г. Балахны имеет мозаично врезанные фигуры едущей в карете барыни, ее слуг, кучера и т. п. Все они прекрасные продуманные шаржи на барский быт и костюм. То же и на расписных деревянных изделиях этой местности — на ткацких станах, на гребнях и пр. А глиняная игрушка б. Вятской губернии с изображением гуляющих под зонтиком дам, едущих на коне кавалеров в цилиндрах и фраках! А пряники с человеческими нарядными фигурами, медные пряжки со старинной сибирской сбруи с щеголями и щеголихами! Все они доносят до нас в народном мастерстве карикатуру на бытовые особенности привилегированного класса — барства.

Таким же насмешливым отношением к внешности горожанина отличается картинный лубок, в котором издатель отразил настроения своего потребителя. И особенно достается в нем женщине — ее широкой юбке, кринолину и турнюру. Характерным примером такого обычного для эпохи шаржа служит приводимое изображение.

ОПИСАНИЕ ЛИСТА

№ 53. Изд. в мет. П. Н. Шарапова. Москва. 1858.

28,2 × 28,5 см.

Экземпляр не раскрашен.

Два гуляющих в парке нарядных «оцилиндренных» купца дивятся на зрелище: ветер, надув кринолин, поднял на воздух модницу, за ногу которой ухватился франт.

Подпись:

«Кринолинъ или средство замѣнить имъ при случаѣ воздушный шаръ»...
и пр.

РАЗГУЛ, КАБАК, ТРАКТИР, БИЛЛИАРДНАЯ И РЕСТОРАЦИЯ В НАРОДНОМ ЛУБКЕ

Удивительно меткую скоморошью характеристику кабака и его роли в быту крестьянина записал я в Москве в 1914 году от старой нищей-мещанки г. Калязина б. Тверской губ. Марфы Степановны Бакалягиной. Говорила она так:

«Целовальник-кабатчик лихим делам повадчик. Ты ему бычка, а он три пяточка, все прочее за ним. Понятие имей — вином да дымом, подождь, отдадим. За шайку — штоф, за рубаху — штоф, за сибирку — штоф, за кошку — штоф, за собаку — штоф, а за жену злую — два сучка, три крючка и пол цыганскова пяточка. Погулял ярмонку веселò, а дома кислò; печка не топлена, скотина не кормлена, ржу сорока склевала, солому галка в гнездо таскала, а круп поскребышки склевали воробушки. Жена из заклада — злая, теща — люта́я, а ты сам — с сухим усам. А люди-то добрые обычай блюдут — вечерять по дворам идут. Соседска жена ряженá, как сатана: троешовник в три хвата, под ним два халата, похòлстник белòй, шугай парчевòй, пушки в ушках, бареты на ногах. А моя баба завидается, как дьявол лаится. Ты не лайся, не бранись, со мной по правде обойдись, а не то иди на постой со двора долой, а я нехорошее дело задумаю, да тебя впутаю».

Мне кажется, что она исчерпывающе правдива для сюжетов народного лубка, связанного с темой о разгуле. И. Г. Прыжов в книге «История кабаков в России в связи с историей русского народа» (изд. «Молодые силы», Казань, 1913) говорит: «Когда жизнь шла еще по-старому, когда народ для того, чтобы «помянуть родителей» или «канун доспети», спокойно выкуривал себе известное количество и варил меды и пьяные браги, вдруг в городе или в селе появлялся царев кабак, поставленный наместником. Запретили курить вино и сказали: чтоб «средним и молодчим людям пива варить и меду ставить отнюдь никому не давать, а вина горячего и лутчим людям курить не давать». Вино велено было покупать в кабаке... Крестьянину таким образом было запрещено все, кроме царева кабака, который крестьяне же должны были ставить на свои деньги».

Кабак, вичо, как ясно из приведенного, играли большую роль в жизни русского народа, служили острой темой для бытовых разговоров и заставили издателей народных лубков отнестись с коммерческим вниманием к печатному воспроизведению многогранного сюжета. Для городского же покупателя лубочных изображений появились, как одна из составных частей общей темы, рестораны с его особой, не вполне известной деревенской провинции обстановкой, билиiardная и т. п.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 54. Изд. в мет. А. Г. Кузнецова. Москва. 1858.

25,8 × 36,8 см.

Экземпляр не раскрашен.

Зал ресторана. За столом, накрытым двумя скатертями, щеголь с лорнетом в руке. Возле него перекинувший через плечо салфетку официант. У стены, на полу, под картиной — трубки с длинными чубуками. Справа видна буфетная комната, отделенная перегородкой с драпри. В буфетной стойке, на прилавке чайники и таз с водой, сзади шкаф с бутылками, штофами, стопками и бокалами. За прилавком — вытянувшийся по-военному бородатый буфетчик.

Подпись:

«Голь на выдумки хитра»...
и пр.

В характерных типах лубка отразилось, очевидно, влияние «Ревизора» Н. В. Гоголя и его героя Хлестакова.

№ 55. Изд. П. Н. Шарапова. Москва. 1858.

27,4 × 27,4 см.

Экземпляр не раскрашен.

Помещение ресторана. Вдали зал с колоннами, между которыми висит клетка с птицей. На первом плане, возле окна, — стол с посудой и сидящим за ним охмелевшим посетителем. На полу картуз, упавшая салфетка и калоши. Из рук посетителя вывалилась трубка. Перед ним официант, показывающий «выкладку» на счетах. Вдали две мужских фигуры: мальчика-слуги и поясняющего ему происходящее человека в сюртуке.

Надпись:

«Пьянь да глупь — больше бьютъ!...»

Подпись:

«Господин: ско-о-лько съ ме-меня? А?...»
и пр.

ЛУБОК, ИЗОБРАЖАЮЩИЙ УЛИЧНЫЕ ТОРГОВЫЕ ТИПЫ

Изображения уличного торговца считаются редкими, и каждое из них расценивается как достойный внимания бытовой тип. Представление о нашем прошлом тесно связано с рядом фигур, иллюстрирующих и характеризующих его отдельные моменты. Оформители художественных изданий по городскому фольклору тщетно ищут иногда неиспользованных материалов в области примитивного рисунка, передающего типаж. Но его, увы, не много. Приводя лишь единичный экземпляр картинки такого типа — «сбитенщика», — мы считаем ее все же ценным дополнением к коллекции тех обнародованных до сих пор рисунков, которые воскрешают старых завсегдатаев городской улицы.

ОПИСАНИЕ ЛИСТА

№ 56. Изд. в лит. А. Прокофьева. Москва. 1858.

31,4×29,4 см.

Экземпляр не раскрашен.

На фоне городских строений три фигуры: сбитенщика, продавца лубков или «ходебщика» и блинника. Центральная фигура — сбитенщик. Он в зипуне, в украшенном рисунками фартуке, с переносным самоваром в правой руке. Через плечо, возле шейного

номерного знака, висят крендели, на поясе стаканы и полотенце. На спине пьющего сбитень ходибщика, вместе с другим товаром, портрет с надписью: «Мусье Невеста юлия». Блинник, стоящий вдали, держит ручной лоток с «выпечкой».

Надпись:

«Московский сбиденщикъ и ходибщикъ».

Подпись:

«Вотъ сбитень горячій!
Метъ казанскій,
Сбиденщикъ астраханскій»...
и пр.

ЛУБКИ, ОТРАЖАЮЩИЕ НЕБЫЛИЦУ, ВЫДУМКУ, АНЕКДОТ ИЛИ ПОУЧИТЕЛЬНУЮ БАСНЮ

Самой популярной, широко распространенной и многократно издававшейся в лубочных картинках следует считать небылицу о том, как «мыши kota погребают». Сатира эта, составленная и выпущенная старообрядцами, отражавшая их недовольство преобразованиями Петра I, пользовалась у народа большим успехом. Перепечатки ее мы встречаем на протяжении ряда лет. Первыми выпусками изображения мы должны признать воспроизведенные Ровинским оттиски XVIII века.

Общий характер всех изображений таков: лежит «кот казанский», крепко привязанный веревками на саях чухонского типа, в которые вместо коней впряглись восемь мышей, тянущих две веревки. За саями идет стая крыс и мышей, среди них музыканты-волынщики, трубачи, барабанщик, скрипач, балалаечник, поставщики к поминальному столу похлебок, пива, пирогов, блинов, оладьев и иной снеди, могильщики, метельщики, просто провожающие, любители сытно поесть и т. п. О происхождении этих картинок приводит обстоятельное объяснение Ровинский. Он говорит: «Вопрос о том, откуда взялась эта картинка в нашем лубочном мире и с какого времени, уже давно занимал наших археологов. Макаров в одной из своих статей («Вестн. Европы», 1821, № 9, стр. 53) говорит, что в чешской хронике Венцеслава Гайка 1553 года в том самом месте, где упоминается о покушении папы обратить Россию в католическую веру, на полях отмечено: «приготовили было такую сатиру, какую лютеране, о погребении kota мышами». На этом основании Макаров полагал, что первообразом русской картинки была сатира в лицах, выпущенная в свет сперва лютеранами, а потом чехами по случаю смерти папы Пия V или Григория XIII, преследовавшего тех и других, и что затем сатира эта перенесена на личность Ивана Грозного. Снегирев, замечая, что такое мнение подтверждается несколько изображением любимого kota Ивана Грозного, которое, по свидетельству г. Чицова, хранится в Дрезденской галлерее, отвергает, однако же, возможность появления подобной картинки в то время, когда книгопечатание и гравирование были еще впервые заведены в России и посвящены единственно религиозным предметам («Лубочн. карт.», М., 1861, стр. 130).

Стасов, просматривавший чешскую хронику Гайка, не нашел в ней приписки, указываемой Макаровым. С своей стороны замечу, что ни в Дрезденском музее, ни в других собраниях нет гравюры, изображающей kota царя Ивана Васильевича: в Дрездене, в галлерее, выставлена довольно редкая гравюра работы Hollar'a с подписью: «La vray portrait du chat du grand Duc de Moscovie, 1661», такие же экземпляры ее находятся в Петербургской публичной библиотеке и в моем собрании. Таким образом родословие kota нашего от лютеран и чехов XVI века не подтверждается никакими данными; еще менее представляется данных к производству того же kota из древней Индии... Наша картинка — чисто русское произведение, ни откуда не заимствованное и не имеющее никакого сходства ни с восточными оригиналами, ни с нюрнбергскими похоронами охотника, на которые

указывает Снегирев, ни с другими западными измышлениями; все надписи на ней, все подробности взяты прямо из русского быта — это вполне оригинальное произведение русского народного буффа».

Разбираясь в ряде бесспорных доказательств, приводимых Ровинским в подтверждение того, что изображенный умерший кот не кто иной, как Петр I, мы должны прийти к выводу, что описываемая лубочная картинка — первая, смелая и остроумная народная политическая сатира.

В соседстве с политической небылицей стояли еще небылицы: фантастические, карикатурно-бытовые и психологические или нравственно-поучительные. В XIX веке таких экземпляров народного лубка встречалось не мало, и темы его были довольно разнообразны. К сожалению, на лубок этого раздела собиратели не обращали достаточного внимания, и большинство его оттисков следует считать безвозвратно утраченным. Между тем для интересующихся массовой культурой и историей быта он имеет большое актуальное значение. Мы приводим также несколько характерных образцов этого рода.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 57. Изд. в лит. А. Абрамова. Москва. 1876.

22,6 × 36,5 см.

Экземпляр раскрашен подмосковными кустарями района села Никольского.

Комната городского мещанского дома. Слева, возле стола, на котором открытая книга и стакан чая, — мягкий диван. На диване молодой мужчина в сюртуке, держащий трубку с длинным чубуком. Около него, в центре, пожилая укутанная шалью, женщина читает роспись приданого. Справа — девушка, одетая в пышное, открытое платье. На стене, около окна, — часы с длинным маятником и гирями на цепях.

Надпись:

«Роспись Приданого».

Подпись:

«Роспись приданого молодцу удалому я читать буду слушай женихъ неvertись что написано несердись»...

и пр.

Лубок имел широкое повсеместное распространение, текст его до последних лет повторяли наизусть провинциальные анекдотисты-остряки.

№ 58. Анонимный оттиск XVIII века. Даты отсутствуют.

32,5 × 46 см.

Оригинал оттиснут на склеенной бумаге («двойник»), раскрашен мстерскими кустарями.

Поляна с редкой растительностью. В центре кот и кошка едут в экипаже типа кабриолета, в который впряжены цугом шесть крупного размера мышей. Одна мышь стоит на запятках, другая, с бичом в лапах, сидит на месте кучера. Позади экипажа справа — башнеобразное, выложенное из камня здание с шпилем и с развевающимся по ветру флагом. Впереди впряженных мышей (слева) — три больших дерева, возле которых также здание, видимо, богатые палаты — с балюстрадой, лестницей, балконом, колоннами, тремя входами и многими окнами, шпилем и флагом. На переднем плане — бугор, покрытый мелкими кустарниками, часть которых разбросана и возле дерева последнего плана. Весь лубок окантован рамой.

Подпись:

«Веселое Гулянье Намышахъ

Вдревние времена, не упомню вкаторомъ годе нечаенно вздумалъ котъ вкошку влюбилсѣ»...

и пр.

№ 59. Анонимный экземпляр. Даты отсутствуют.

26,7 × 39,6 см.

Экземпляр не раскрашен.

Один из вариантов небылицы: «Мыши кота погребают».

Встречались одинаковые экземпляры, изданные в лит. П. А. Глушкова. Москва, 1876, раскрашенные подмосковными кустарями района села Никольского.

Подпись:

«Небылица въ лицахъ.

Небылица въ лицахъ — найдена встарыхъ светлицахъ завернута въ черныхъ трепицахъ»...
и пр.

№ 60. Изд. П. Н. Шарапова. Москва. 1862.

25,3 × 40,9 см.

Экземпляр не раскрашен.

Одетые в человеческие костюмы, танцующие, поющие, пьющие вино и играющие на музыкальных инструментах медведи.

Подпись:

«Свадьба медведя Мишки косолапаго.

Разъ косолапый мишка разкутился

На машки косорылой женился»...

и пр.

№ 61. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

29,5 × 29 см.

Экземпляр не раскрашен.

Иллюстрация к басне Крылова «Трудолюбивый медведь».

Лесная просека. Слева — крестьянин, несущий дуги, справа — медведь, ломающий дерево.

В художественной манере лубка (растительность, бугры, борозды) сильно отражено влияние стиля религиозных поморских изображений XVIII века.

Подпись: текст басни с искажениями.

№ 62. Изд. в мет. А. Морозова. Москва. 1858.

19,9 × 35,6 см.

Экземпляр не раскрашен.

Пещера. Вдали — пять крылатых чертей. Слева — полуобнаженный высунувший язык мужчина; перед ним — нападающая на него большая змея. Справа — изрыгаемое громадной пастью пламя, в середине которого сатана в короне и с трезубцем.

Надпись:

«Клеветникъ и змѣя».

Подпись: текст басни Крылова с некоторыми искажениями.

№ 63. Анонимный экземпляр. Даты отсутствуют. Встречались однородные экземпляры, изд. в типо-лит. И. Е. Ермакова. Москва. 1894.

23,5 × 36 см.

Экземпляр не раскрашен.

Деревенская окраина. На первом плане — жена везет в санях стегавшего ее плетью мужа. Слева — купец и его жена обмениваются мнениями о происходящем; крестьянин

рубят дрова, беседуя с женой. На втором плане, справа, под деревом, — пляшущая под рожок играющей «бездельницы» коза, в середине — крестьянин, ведущий на поводу лошадь и корову, а слева, на крыльце избы, — жена, напутствующая его рукой.

Надпись:

«Урокъ мужьямъ простякамъ и женамъ щеголихамъ».

Подпись:

«Баба мыслить ухитрится
Чтобъ полутче нарядится»...
и пр.

Лубок связан с народным острословием:

«Стала баба козу забавлять, а коза пошла плясать. Продай лошадь и корову — мне купи обнову. Стал мужик бабу забавлять и кнутом ее стегать»... (балаганный припев, под балалайку, «лапотных куплетистов»).

№ 64. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

24,7×32,6 см.

Экземпляр не раскрашен.

Пальма, под которой разложен расписной ковер. На ковре — одетая по-восточному фигура бородатого мужчины. Перед ним, скрестив на груди скованные цепями руки, стоит женщина. За ней верблюд и два копыеносца. Вдали видны пирамиды и пальмы.

Изображение представляет собой иллюстрацию к одному из многочисленных, широко распространенных лубочных народных изданий, содержание которых составляли фантастические описания разбойничьих походов.

Подпись:

«Къ Атаману Алжирскихъ разбойниковъ представляютъ бѣжавшую плѣнницу».

№ 65. Изд. в мет. А. Васильева. Москва. 1858.

24×30,6 см.

Экземпляр не раскрашен.

Часть морского берега. Вдали — каменная скала, возле которой разбилось судно. Два других плывут по морю. На первом плане, возле фантастического растения, стоит фигура полуженщины, полуживотного. Вместо хвоста у изображенной туловище змеи, заканчивающееся змеиной головой и жалом, на груди шесть звериных голов.

Надпись:

«Скилла дочь Фарки».

Подпись:

«Поязыческимъ баснямъ»...
и пр.

№ 66 (концовка).

18,5×16 см.

Экземпляр не раскрашен.

Копия офорта Hollar'a.

Упоминаемое Снегиревым изображение любимого кота Ивана Грозного.

ЛУБОК НАРОДНОГО ЗРЕЛИЩА

Феномен, «дикий монстр», урод, чудо природы — это те притягательные названия старого ярмарочного балагана, музея-паноптикума, на которых строили свои немалые барыши ловкие дельцы народного зрелища. Посмотреть на несчастного, обиженного природой человека, подивиться его странной внешности, физическим особенностям считалось в старое время если не забавой, то развлечением во всяком случае. Для бедной семьи урод был даже доходной статьей. С детских лет его «продавали» или передавали по контракту ловкому дельцу антрепренеру, который возил «приобретение» из города в город, с ярмарки на ярмарку, с одного тракта на другой, повсеместно вывешивая плакаты, афиши, восхваляющие «монстр», и без стеснения преувеличивал его «смотровые» данные. Иногда уродов создавала и дополняла искусственно человеческая жестокость, и история зрелищ рассказывает о профессиональных, существовавших когда-то специалистах такого дела, но были случаи, когда в этом просто помогала рука художника. Каждый плакат, каждый рисунок, преследуя цели заманивания публики, почти обязательно утрировал натуру, придавая ей фантастический, необычайный вид. К числу таких относится и тот лубок, который приводится здесь, — Юлия Пастрана. Это чудеса — наполовину природные, наполовину выдуманные, по внушению заказчика, живописцем.

Наглядный рисунок считался в иных случаях наиболее действительным средством и для увеличения доходности театральных зрелищ. Не только ярмарочные музеи-паноптикумы, но даже оперные и драматические спектакли не обходились без клише, заставлявшего глубже заинтересовываться содержанием афишного текста. Артисты же эстрады и цирка создали такую галерею индивидуального лубка, которая не исчерпывается ни одним собранием. Формы его буквально бесконечны.

Примитивное массовое зрелище также нашло свое отражение в народном лубке: водыри медведя, скоморохи, ярмарочные музыканты, раешники, если не частые, то и не особенно редкие его персонажи. С этой стороны лубок играет иллюстративную роль для историка народных забав и развлечений. Образцы такого типа мы приводим рядом с изображением «живописной натуры диких монстров».

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 67. Изд. в мет. П. Н. Шарапова. Москва. 1858.

27,6×42 см.

Экземпляр не раскрашен.

На лубке изображена сцена сватовства между двумя феноменами. Слева, с цветком в руке, стоит в бальном туалете декольтированная Юлия Пастрана. Лицо ее, грудь

и руки покрыты сплошь волосами. Позади ее молодой, франтоватый, одетый во фрак мужчина просительно протягивает руки. С правой стороны — фигура толстяка Рожерома Баркома, на котором клетчатые брюки, гладкий жилет с часовой цепочкой, с массивным подвеском на ней, и широчайший пиджак. Он, видимо, что-то говорит волосатой собеседнице. Рядом с ним, в его застегнутом на все пуговицы пальто, стоят семь мужчин с подчеркнуто-глупыми лицами. На фоне — товарные весы, прикрепленные к толстой свае, на одной площадке весов стоит гиря с надписью «15 п», а на другой — уменьшенная копия Баркома. Стрелка весов показывает, что толстяк перетянул гирю.

Изображение это относится к первой демонстрировавшейся в России в 1858 году волосатой женщине Юлии Пастране; позднее — 1876 году — ее заменила в цирке Теодора Лента, конкурентка «Синьора Зенона Пастрана».

Подпись:

«Дѣвица Юлія Пострана 23 лѣтъ и Замѣчательнейшій изъ жениховъ ея Рожеромъ Баркомъ. 53. лѣтъ»...

и пр.

№ 68. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

20,4×35,7 см.

Экземпляр не раскрашен.

Возле небольшого, стоящего на возвышении строения, между редких деревьев, стол с самоваром, чайной посудой и бутылкой вина. За ним две фигуры купеческого типа — полной женщины и бородатого мужчины, перед которыми дает представление бьющий в барабан водырь медведя. Последний изображен играющим на балалайке. Рядом с ним — наряженная в костюм, выбивающая такт на ложках коза. Справа — группа разнотипных любопытных.

Подпись:

«въ Марьиной Рощѣ.
Медведь съ казою Забавлялись
идругъ на друга удивлялись»...
и пр.

№ 69. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

Встречались однородные экземпляры, изд. в лит. П. А. Глушкова, Москва, 1878.

34,5×31,4 см.

Экземпляр не раскрашен.

Изображение раешника, в ящик которого смотрят трое любопытных. Вдали городские здания и купола церкви. На ящике надпись:

«Всемирная косморама. Въ сеи косморамѣ показывается всякой городъ и разныя виды житейски, страны халдейски и городъ Парижъ какъ въ ѣдешъ такъ отъ шуму угоришъ и страны Американски откуда привозятся калоши дамски».

Надпись:

«Раекъ».

Подпись:

«Вотъ Извольте видѣть... Салтанъ машетъ платкомъ»...
и пр.

ЛУБКИ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩИЕ НАРОДНУЮ СКАЗКУ

Сказка — это, большей частью, прозаический по форме рассказ, невероятный по содержанию, занимательный по форме, поучительный, легендарный или исторический, являющийся отзвуком действительного события. Сказки, как известно, имели весьма значительное распространение в народе. В старину существовали специальные их рассказчики — «баятели» или «бахари», которые много содействовали популярности этого вида повествования. Даже сейчас живы редкие передатчики сказок, восстанавливающие подчас забытые и интересные для фольклориста материалы. Народный лубок неизменно сопутствовал историческим этапам сказки и сохранил нам ее в наивных, полных искренней простоты образах.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 70. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

25,6×38,9 см.

Экземпляр не раскрашен.

Слева, на коне, — одетый в рыцарские доспехи Илья Муромец. Он выпустил из лука стрелу. Справа, в зелени деревьев, — голова и плечи Соловья-разбойника. К правому глазу его летит стрела Ильи Муромца. Вдали — продолжение сказки и судьбы ее героев: по полю мчится одетый в рыцарские доспехи всадник, к хвосту его коня привязана мужская фигура. На горизонте видны горы, среди которых замок с башнями.

Подпись:

«Сильный Храбрый Богатырь Илья. Муромец»...
и пр.

№ 71. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

28,8×39,3 см.

Экземпляр не раскрашен.

Слева — воин на коне, в рыцарских доспехах, поражающий копьем кентавра. Последний замахнулся на противника дубиной. Позади фигуры — каменная крепостная стена, дом, башня и палатка.

Подпись:

«Славный сильный и храбрый Бова Королевич поражает Полкана Богатыря»...
и пр.

№ 72. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

27,8×38,2 см.

Экземпляр не раскрашен.

Еруслан Лазаревич изображен летящим через море на трехголовом змее. Одна голова чудовища отрублена и плывет по воде. Справа — берег и город, у ворот которого царевна Анастасия Вахрамеевна, вместе с жителями, встречает героя сказки.

Один из вариантов иллюстрации этой темы.

Подпись:

«Славный сильный и храбрый Витязь, Ерусланъ Лазаревичъ»...
и пр.

№ 73. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

28,9×38,8 см.

Экземпляр не раскрашен.

На сером волке мчится, держа клетку с жар-птицей, одетый в рыцарские доспехи Иван-царевич. Рядом с ним, на коне, украшенная короной, с веером в руке, Елена Прекрасная. Вдали, на берегу реки, — обнесенный каменными стенами замок. По реке плывет парусная лодка.

Подпись:

«Сильный Славный Храбрый Богатырь Иванъ Царевичъ»...
и пр.

№ 74. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

25,2×38,5 см.

Экземпляр не раскрашен.

Справа — смерть в виде скелета в плаще, держащего в руках опущенную косу. В колчане за спиною смерти всяческие виды холодного оружия. Слева, на коне, в рыцарских доспехах, — обнаживший меч Аника-воин. На земле — труп того же Аники-воина. Справа — вдалеке убегает оседланный конь.

Один из вариантов иллюстрации этой темы.

Подпись:

«Сильный и Славный Храбрый Воинъ Аника.
Почистому полю разъезжаетъ противника себѣ вызываетъ»...
и пр.

РЕЛИГИОЗНО-ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ

ЛУБОК

Громадное количество религиозных мифов, сказаний, легенд и фантастических, часто доходивших из отреченной литературы преданий, запугивавшая сознание некоторых отступников от церкви угроза жестокими адскими мучениями, широкое распространение веры в загробную жизнь создали наряду с текстовыми произведениями особый, совершенно своеобразный цикл духовно-иконографических изображений. Последние занимают большое место в народном бытовом лубке. Дешевизна бумажной продукции размножила этот вид монастырской религиозно-бытовой пропаганды и придала ему большую мозаичную пестроту.

На первом плане среди этого интересного и многочисленного материала стоят произведения сюжетные, многоликие, дающие широкий простор замыслу гравера и художника, стремившихся ярче и детальнее охватить уже использованную рядом предшественников тему. Древнейшее апокалипсическое предание, имеющее своим источником индийские, подхваченные евреями мифы, — «страшный суд», представляет одну из наиболее интересных и сложных композиций такого раздела.

Суеверное сказание о пришествии антихриста и о кончине мира, тщательно поддерживавшееся и укреплявшееся в представлении народа еще со времени IX века, породило большое количество соответствовавших исторической легенде иллюстраций этого сюжета.

У нас первое появление такого живописного изображения относят к концу XII века и связывают его с именем иконописца Авраамия Смоленского, иллюстрировавшего четьи-минеи августа месяца. Расцвет учения о «страшном суде» и о «пришествии антихриста» относится к XV веку, обильному миниатюрами, составленными по воображению или «видениям» убежденных ревнителей легенды.

Многочисленные варианты этой темы в народных картинках, при сохранении основного перевода, отличаются разнообразием в деталях и в стиле общей художественной трактовки. Мы помещаем его поэтому на первом месте.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 75. Изд. в завед. В. Шарапова. 1850 (город изд. не указан).
71,8 × 42,2 (с боковыми текстами 56,2) *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Один из вариантов иллюстрации темы «страшный суд».

Многострочные надписи на церковно-славянском языке по полям изображения.

Вверху надпись:

«Изображеніе страшнаго суда Божія».

№ 76. Изд. в старообрядческой типографии Г. К. Горбунова. Москва (года нет).
36,2 (с подписью 44,2) × 68,4 *см.*

Художник А. Шангин.

Цветной экземпляр, печатанный с камня.

Изображение «Жития Марии Египетской».

Многострочная подпись на церковно-славянском языке.

№ 77. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

37,5 × 30,5 *см.*

Цветной экземпляр, печатанный с камня.

Старообрядческая поучительная листовка «Тяжко есть иго насынѣхъ адамлихъ».

№ 78. Анонимный оттиск XVIII века.

24 (с подписью 27) × 37 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

«Искушение Антония Египетского» (воспр. Ровинским).

Надпись и подпись на церковно-славянском языке.

№ 79. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

33 × 86 *см.*

Изображение «Жития старца Герасима». В верхнем поле случайная запись пером: «Отъ издателя Стрѣльцова».

Судя по орфографическим, сделанным от руки исправлениям текста, воспроизводимый нераскрашенный экземпляр — первый пробный и корректурный оттиск. Весь лубок в целом отличается оригинальной манерой выполнения, выдержанностью отдельных фигур и строгим сохранением стиля примитивных гравюрных композиций.

Двенадцать отдельных изображений на одном листе.

Под изображениями пояснительные подписи на церковно-славянском языке.

№ 80. Редкий анонимный рукописный лубок XVIII века, работы поморских мастеров.
30,5×67,8 см.

Сюжет: сотворение человека, жизнь в раю Адама и Евы, изгнание их из рая.

№ 81. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

36×31,5 см.

Цветной экземпляр, печатанный с камня.

Широко распространенная старообрядческая листовка: «Райская птица Сирин».

№ 82. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

39×31 см.

Цветной экземпляр, печатанный с камня.

Широко распространенная старообрядческая листовка: «Райская птица Алконост».

№ 83. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

24 (с подписью 35)×34 см.

Экземпляр не раскрашен.

Старообрядческая листовка с изображением пыток Евдокии Урусовой и Феодосии Морозовой.

Подпись:

«Мученіе задвуперстное сложеніе»...
и пр.

№ 84. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

13×18,4 см (с подписью 38×23,5 см).

Цветной экземпляр, печатанный с камня.

Изображение «Беседы о вере князя Владимира с иноземными послами». Старообрядческая листовка.

Многострочная пояснительная подпись на церковно-славянском языке.

Надпись:

«О послахъ различныхъ къ вѣре Князя владимира увѣщавающихъ».

№ 85. «Издание Старообрядческаго церковно-восковыхъ свѣчей завода компаніи Рыжковыхъ въ Витебскѣ» (года нет).

22,7 × 23,2 см (с подписью 46,2 × 29,6 см).

Экземпляр не раскрашен.

Изображение поучительной темы «Старец и бес».

Подпись:

«Книга, патерикъ Скитскій. Глава 29.

Нѣкій старецъ ходя по пустыни,

видѣ бѣса идущѣ мимо его»...

и пр.

ЛУБКИ РЕЛИГИОЗНО-АГИТАЦИОННОГО ХАРАКТЕРА

Рядом с религиозными лубками стояли еще изображения, носившие церковно-догматический или обывательско-просветительный характер. В большинстве они отражали в себе: мораль мещанского благополучия, дух культовой пропаганды, проповедь относительной добродетели, непротивления злу, духовного раскаяния, покорности судьбе или спокойного подчинения всякого рода неизбежностям. Это были своего рода позднейшие разновидности древнерусского «Домостроя». Иногда помимо частных лиц, их издавали миссионерские организации, монастыри, буржуазно-благотворительные общества, общества покровительства животным, группы ревнителей православия и т. п. Экземпляры их следует считать крайне редкими и малосохранившимися у коллекционеров.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 86. Редкий анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

26,6 × 30,9 см.

Экземпляр не раскрашен.

В центре лубка — вращающееся колесо, поднимающее и опускающее человеческие фигуры. По углам — изображения трудовых производственных процессов: работника с бороной, пахаря, сеятеля и вязальщиц хвороста. Рама из символических фигур.

Подписи:

«Чуденьъ всветѣ Человекъ
суетится целои вѣкъ
щастия сыскать желаетъ»...
и пр.

Вверху — «Суета суетствій, всяческая суета», вокруг центрального рисунка вязью — «Си(ы)не такъ на свѣтѣ все превратно», внизу — пояснения к отдельным частям.

№ 87. Изд. в мет. П. Н. Шарапова. Москва. 1857.

25,8 × 37,3 см.

Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

Лубок на тему «Рачительное домоводство».

Тождественные оттиски встречались и анонимные.

Надписи, разбросанные в различных местах оттиска: под весами, которые держит амур—«своя ноша нетянетъ»; на рукоятке и по лезвию косы —«жизнь наша идетъ день за день часть за часомъ, а все къ смерти ближ(е)»; на пачке книг, в руке у мальчика «Грамата», Зак. Божій, св. Исторія, Ариѳмет., Счетовод., Чистопісаніе, А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н, Правопис. Правила»; под ногами у женщины, кормящей ребенка:

«Доброй матери смотренье
Не давать глупымъ забавъ
Нужно дать имъ наставленье.
Посѣлить въ нихъ добрый нравъ».

Подпись:

«Кто рѣшился коль жениться»...
и пр.

№ 88 Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

29,7×37,7 см.

Экземпляр не раскрашен.

Изображение на тему «Ступени человеческого века». В верхней части лубка—на 11 ступенях изображение различных периодов человеческой жизни, начиная от колыбели и кончая столетним возрастом. В нижней—знаки зодиака и эмблемы: мудрости (сова), времени (песочные часы), знания (книга) и неудачи, неожиданности, болезни и т. п. (пылающая сломанная свеча). Изображения снабжены пояснительными надписями.

ЖИВОПИСНЫЙ СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ЛУБОК

Примитивность и самостоятельность манеры, красочная яркость, утвержденный традицией своеобразный графический прием и упрощенное разрешение сюжетных подробностей сближают рисунки лицевых старописных книг с народным лубком. Только художественной техникой, большим в некоторых случаях мастерством изображения и кропотливой, усидчивой детализацией мелочей первые, несомненно, превосходят второй. Лубок — «ходовая» промышленная рыночная продукция, лицевой же рисунок — заказная картинка, связанная с индивидуальным требованием на сюжет, с психологическим настроением и с религиозным воображением заказчиков. Автор лубка не знал к себе того критического отношения покупателя, которое предъявлял заказчик книги к мастеру, получая ее с рук на руки. Лубок — многотиражная, печатная листовка; лицевые изображения — сделанные кистью оригинал или копия, могущие иметь лишь ограниченное количество повторений, исполненных одной рукой. Переведенный на доску, металл или камень лубок рождался быстрым механическим путем, каждый же рисунок старописной книги был связан с продуманным и требовавшим значительного времени творческим процессом. Особенно ценны работы поморских старообрядцев. Несмотря на общий, повторяющийся перевод (т. е. копировку) рисунка, в них чувствуются большая изобразительная сила, тонкое понимание краски и техническая высота графического искусства. В создании орнаментированной заставки художники старообрядцев, несомненно, замечательные, могущие служить высоким примером, мастера.

Все приводимые изображения многокрасочные; они исполнены на старой, современной их появлению бумаге иконографической манерой и представляют иллюстрации древних рукописных книг.

Совершенно особый, отдельный рисунок, а именно «Библейская история Адама и Евы», помещен в разделе «Религиозно-иконографический лубок» (№ 80).

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 89. Миниатюра и текст из рукописной книги северных писем: «Слово Паладия мниха». XVIII век.

«...иявятся снебесе идуще, носяще престоль господень страшный»...

Размер оригинала.

№ 90. Миниатюра и текст из рукописной книги северных писем: «Слово Паладия мниха». XVIII век.

«Архангелъ же поятъ его (т. е. мниха Иоанна) заруку иприведѣ его врай»...

Размер оригинала.

№ 91. Миниатюра и текст из рукописной книги северных писем: «Слово Паладия мниха». XVIII век.

«Житіе святаго Андрея Христа ради юродиваго».

Размер оригинала.

№ 92. Заставка, заглавная буква и текст из рукописной книги с крюковыми нотами: «Книга священнаго пѣснохваленія, духовнаго сладкогласія, торжественнаго добропѣнія праздниковъ господьскихъ и богородичныхъ» на «рождество господа бога и спаса нашего іисуса христа», поморских писем XVIII века.

Размер оригинала.

ЛУБКИ, ОТРАЖАЮЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ, ВОЕННЫЙ БЫТ, ВОЕННЫЙ АНЕКДОТ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ И ЦАРСКУЮ СОЛДАТЧИНУ

Религиозный лубок всегда играл роль популяризатора многочисленных преданий церковного характера, образного передатчика мифов и легенд. Военный лубок нес на себе такое же обязательство в другой области государственной жизни: он являлся «усилителем» героики. Ряд неудачных, а иногда и сомнительно счастливых войн, вызывавших упадок общественного настроения, прикрывался выпуском наивных героических изображений и портретов «славных, доблестных» генералов и полководцев. Их дополняли анекдоты о Петре I, Суворове, Скобелеве под Плевной и т. п. Преследуя одинаковую цель, лубки первой половины XIX века, изображавшие военных «героев», были крайне однообразными, создававшимися по одному, общему для всех штампу. В центре первого плана помещается обязательный всадник на лихо скачущем коне. Он одет всегда в блестящий, иногда дополненный фантазией мундир генерала; правой рукой он или угрожающе машет обнаженной саблей или повелительно указывает вперед. А вокруг дружно, наподобие оловянных солдатиков, маршируют в ногу войска. Художник делал фигуры солдат так, как будто наклеивал одно на другое трафаретно вырезанные из картона изображения.

Несколько иного построения были лубки того же периода со сценами взятия крепостей, с боевыми эпизодами, баталиями и т. п. В них больше сказывались и мастерство и фантазия художника. Некоторые из них по смелости и приему рисовальщика были просто интересными.

Исторический, затасканный в словесных вариантах анекдот также сеял и распространял мораль патриотического подвига и верноподданнического служения царизму.

Военный и политический лубки второй половины XIX века носят следы дешевого, плохого мастерства. Это забытый и заброшенный угол в искусстве, которого сторонится серьезный художник. Но в XX веке дешевому трафарету старого массового лубочного изображения в этой области противопоставляет свое искусство ряд новых и одаренных его оформителей. Пионерами на этом пути мы, по праву, должны считать Д. Моора, А. Радакова, В. Маяковского, Юнака и некоторых других, произведения которых, впрочем, отмечены яркой печатью большого индивидуального мастерства, и вне связи с традицией и формами народной картинки.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 93. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

27,2 × 36,2 см.

Экземпляр не раскрашен.

Подпись:

«Его Сіятельство Князь Михайль Семеновичъ Воронцовъ Намѣстникъ Кавказскій».

№ 94. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют. Есть такие же листы, изд. в типолит. И. Е. Ермакова. Москва, 1894.

24,5 × 35,2 см.

Экземпляр не раскрашен.

Подпись:

«Вылазка изъ севастополя произведенная 18-го на 19-е Апреля 1855 года»
и пр.

№ 95. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

24,1 × 35,3 см.

Экземпляр не раскрашен.

Подпись:

«Нападеніе Англичанъ на Ставропигіальный Соловецкій Монастырь»
и пр.

№ 96. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

26,7 × 38 см.

Экземпляр не раскрашен.

В левой части лубка — военный лагерь, около которого три фигуры солдат: французского, турецкого и английского. Поблизости от них — телега, нагруженная знаменами и пушкой. К оглоблям ее привязаны лебедь, рак и щука. На первом плане этой же части к крутому обрыву, наполненному водой, мчится управляемая стоящей в экипаже женщиной тройка коней, которым пририсованы человеческие головы француза, турка и англичанина. В правой стороне, за обрывом, — крепость, прикрывающая ряд русских церквей. Около — трое часовых с пушкой.

Лубок представляет объясняемую в пользу России сатиру на Севастопольскую кампанию.

Подписи:

«Тройка», «Три товарища»
и пр.

ПЕРСИДСКИЙ ЛУБОК, БЫТОВАВШИЙ В РОССИИ

Как это ни странно, но среди русского народа, а именно среди крестьян б. Нижегородской губернии, бытовал в незначительном количестве персидский рукописный лубок. Началом этому обстоятельству послужил нижеприводимый факт. На устроенную в конце XIX века в г. Нижнем-Новгороде «Всероссийскую промышленную выставку», вместе с персидскими купцами, прибыли живописцы из предместий г. Решты — Али Рузаев и Нигматулла Сафаров, занимавшиеся быстрым изготовлением на месте изображений героев своего национального эпоса. Спрос на дешевые листки с образцами туземного рисунка был, видимо, значительный. Через несколько лет мастера, не без успеха, стали вновь посещать нижегородскую ярмарку. Их рисунки, расценивавшиеся от 20 до 30 коп. за экземпляр, попрежнему охотно и легко раскупались местным населением, обращая на себя, благодаря красочной пестроте, внимание и проезжих крестьян. Наезды живописцев прекратились после 1907 года, но след их пребывания остался. Объезжая в этот период кустарей нынешнего Горьковского края, в двух избах я натолкнулся на персидские лубки. На одном из них, висевшем в раме под стеклом, была изображена полуобнаженная, сидевшая на ковре фигура бородатого мужчины. Я спросил владельца о ее значении.

— В бозе почивший император Александр третий отдыхает после обеда, — серьезно пояснил он мне.

Я не стал разубеждать его в точности данной мне исторической справки, но вынужден был признать факт проникновения чуждой изобразительной культуры и в быт русского крестьянина. Воспроизводим два наиболее характерных экземпляра.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 97. Экземпляр, исполненный разноцветными красками от руки.

30,7 × 41,6 см.

Живописный персидский лубок, с изображением мужских фигур — героев национального эпоса.

№ 98. Экземпляр, исполненный разноцветными красками от руки.

34,6 × 34,3 см.

Живописный персидский лубок с женскими фигурами.

ТИСЧЕНАЯ ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА НА НАРОДНЫХ ПРЯНИКАХ

Пряник с древнейших времен играл большую роль в обиходе русского народа. «Учали добры молодцы есть пряники печатные, запивать винами крепкими», — говорится о нем в былинном эпосе. Этот вид печений из теста употреблялся при самых разнообразных случаях:¹ для подношения начальным и крупным людям, для украшения праздничных столов, для выражения всякого свойства личных чувств, старшинства и меньшинства, как неперенный атрибут свадьбы, погребений, поминок, панихидных служений и, наконец, как лечебное средство. При встречах и проводах царей, воевод, губернаторов, архиереев и т. п. от жителей местности обязательно выпекался изысканно украшенный изюмом, черносливом или цукатами, сделанный по особой форме пряник. Так было еще в первой половине XIX века. Сватался жених к невесте — он привозил в дом пряник. Хотел робкий юноша изъясниться в своих чувствах избраннице сердца — употреблялся опять пряник с трогательными надписями: «будишь знать отъ кого ѣла», «въ день ангела», «знакъ моей дружбы», «знакъ любви», «знакъ уваженія», «в память нѣжной встречи», «люблю и надѣюсь», «вы розанъ», «супирь», «вы цвѣтокъ», «помни — не забывай» и пр.

На семейные торжества «давились» пряники с обычным для такого случая рисунком букета цветов, распустившейся розы, двух нежно целующихся голубков или соответствующими инициалами. Воеводам, губернаторам и архиереям чаще всего «ставились» изображения деревьев с порхающими по ним сказочными птицами, с государственным гербом, крепостными башенками или с «теремком», т. е. со строением. Лечебные же пряники были и некоторой разновидностью знахарства. Младшие несли старшим большой пряник, а старшие дарили младших «меньшим». Сваху награждали пряником «коровайным», новобрачным пекли «в два места» или рисунка. Последний тип называется «разгонным», ибо, когда начинали его в конце пира резать на мелкие части и делить присутствующим, молодые вставали из-за стола и удалялись в опочивальню. Служащие подносили хозяину пряники — подовые, многослойные, печеные «на поду», т. е. на камнях печи, с миндалем и изюмом. Куму, куме было принято поднести в знак хлебосольства изображение рыбы, петуха или барашка. Наконец, детям дарили специальные сорта в виде коньков, человечков, звездочек и т. п. Особенно же оригинальными были пряники поминальные и панихидные. Делались они громадных размеров и обильно украшались «монахами» или черносливом, напоминая цветом о трауре и скорби по умершем. Иногда, в редких случаях, помещался на них и «заказной» религиозный оттиск, передававший «положение И. Х. во гроб» или «воскрешение Лазаря».

Больше всего печением фигурных пряников славилась б. губернии Архангельская, Вологодская, Вятская, Тульская, а за ними Рязанская, Казанская, Владимирская и Нижегородская.

¹ Все описания я привожу по личным записям от старожиллов, применительно к обычаям б. Нижегородской и Владимирской губ.

Главным временем их спроса и потребления повсеместного являлся «великий пост». В так называемое «прощеное воскресенье», т. е. в последний день масленицы, было в обычае поднести «печатное печение» для пополнения дозволенных яств будущего скудного «рыбного и грибного» стола. В этот день в б. Нижегородской и Владимирской губерниях из дома в дом развозились такие лакомства, иногда требовавшие, по количеству родных и знакомых, специального экипажа.

Широкое распространение пряника, разнородность случаев и оснований его дарения, традиция украшать его рисунком создали особую отрасль бытового искусства — затейливое вырезывание коврижных и пряничных досок или форм, своего рода клише для художественных мучных изделий. Последние бывали: «почетные с казней», т. е. с изображением двуглавого орла, «титульные», т. е. именные, «святые», т. е. с религиозным иконографическим сюжетом, «счастливые, со словом», т. е. свадебные, «полюбовные», «советные», «ребячьи-забавные», «наговорные», «всячинные» и «в торг», т. е. для рыночных изделий. Само тесто раскрашивалось — «цветилось», покрывалось позолотой, серебрением, «ягодным сахаром», «глазной изюминой», «яичным снімом» и тертым сухарем. Отсюда ясно, что существовал и специальный тип художника-производственника, готовившего по заказу и для продажи «живописные, забавные теста». Рядом же с ним «мудровал» резчик форм из грушевого или липового дерева, — разновидность скульптора или гравера бытового лубка, с тою лишь разницей, что печатал он свои произведения не на обычном материале — бумаге, а на густом мучном «заквасе» и «жмал» их не с выпуклого, а с углубленного рисунка в доске. Мастерство первого, за ничтожным исключением, погибло в человеческих желудках, творчество второго, отраженное на дереве, дожило до музейного хранилища. Сохраняя в работе древнейшую технику народного художника и наивность творческой фантазии, оба донесли до нас стиль и живописную культуру своей эпохи. И в искусстве мастера, цветившего пряник, как и в искусстве печатника, мы находим интересную страницу для истории старого народного быта, родственную по стилю с народной картинкой.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 99—100. Изд. в лит. И. Голышева. Голышевка, 1881.

Размеры изображений:

16,2 × 11,9 см и 16,1 × 12 см.

Одноцветные экземпляры, печатанные с камня.

Пряники, служившие для официальных подношений и подарков крупным лицам.

Подписи:

«Печатные пряники».

№ 101—103. Изд. в лит. И. Голышева. Голышевка, 1881.

Диаметр каждого изображения 10,5 см.

Одноцветные экземпляры, печатанные с камня.

Пряники, служившие для подарков по разным поводам.

Подписи:

«Круглые пряники».

НАРОДНЫЙ ЛУБОК

Въ низъ поматушки поволги въ низъ
 поширокову раздолью въ збушевалася
 Погода погодушка верховая волновая
 Нечего въ волнахъ невидно только видно
 Аду лодку Красная лодочка
 Красненьтъ наней парусы белеютъ
 Нагезцахъ шляпы чернеютъ
 Кушачки та зеленеютъ
 Самъ Хозяинъ воснаряде вокаричи
 Евомъ кафтане въ черномъ бархотномъ картузе.

Какъ возговарить Хозяинъ
 Приударимъ та рябята въ низъ
 Поматушки повлги поширокому
 Раздолью къ Катерининому подворью
 Какъ Катерина
 Неснесива книмъ
 Навстречу выходила
 Такую речь говорила
 Непрогневайся Хозяинъ въ чемъ
 Сидела въ томъ ивышла.

КАТИНЬКА

Вот сидит Катенька,
ручьишком крутит,
и так ей было весело,
что слезы даже вылила.
И вот сидит Катенька,
ручьишком крутит,
и так ей было весело,
что слезы даже вылила.

А жила-была Катенька,
да Катенька была,
и Катенька была,
и Катенька была,
и Катенька была,
и Катенька была,
и Катенька была,
и Катенька была.

Такая была Катенька,
такая была Катенька,
такая была Катенька,
такая была Катенька,
такая была Катенька,
такая была Катенька,
такая была Катенька,
такая была Катенька.

А Катенька была Катенька,
А Катенька была Катенька,
А Катенька была Катенька,
А Катенька была Катенька,
А Катенька была Катенька,
А Катенька была Катенька,
А Катенька была Катенька,
А Катенька была Катенька.

Лист № 2

Русская пенька.

Ванька с Пашкой сидит,
Пашка Ваньку говорит.

Ванька сокол доросил,
Пашка пеньку пропил.

Ванька дубовку берет,
Пашка пеньку несет.

Печатня Пашкина, Москва 1853 года. Печата 13 дня. Удостоверено.

Печать в Металле Т. Удостоверено.

Лист № 3

Рисунок: 1857 г. Магистр В. И. Шварц.

Вечеромъ красна девица
Назреломъ составомъ шла
Чернорова круглолица
Такъ гуськовъ домой шла
Тета тета тета вы гуськи мой домой

ПЬСНЯ.

Ненцы меня богатый
Ты немиль мой душе
Что мнѣ что твои полаты
Съ милымъ счастье въ шепаше
Тета тета тета вы гуськи мой домой

Съ нямъ одной любви довольно
Что бы всеъ счастливой быть
Но сердичку очень больна
Черезъ злата слезы лить
Тета тета тета вы гуськи мой домой

Рисунок: 1857 г. Магистр В. И. Шварц.

Печаль Авт. И. Гаврилова. Издание И. И. Щербакова

Я тебя люблю за себя за милое, возьми,
Я тебя люблю за себя за милое, возьми,
Горенку срублю печь муравину слою
Горенку срублю печь муравину слою
Столь сколочу ножки точенныя,
Ножки точенныя, позолоченныя.

Сталъ же молодѣць выспрашивать,
Сталъ же молодѣць выспрашивать,
Выспрашивать выговаривати.
Какъ тебѣ дѣвица по имени зовутъ?
Дядь крестить Акulina имя дати,
Дядь крестить Акulina имя дати,
Акulina душечка ты радостъ жизнь моя!

Пѣхля ревята изъ нора-города,
Красная дѣвица на улицѣ была,
Красная дѣвица на улицѣ была
Всеяте нашимъ ревятамъ по похону отдамъ
Одному молодчику по ниже всехъ,
Одному молодчику по ниже всехъ
Объ того по ниже что получше всехъ.

ПЬСН Я.

Небрани меня родная
Что я такъ люблю его
Случно случно дорожан.
Жить одной мнѣ безнего
Лезимаю что такою
Вѣдуть случилося сонном.

Что такъ твоя ретиво
Итерзаюся тоской
Все оно во мнѣ кинило
Все горю я какъ вогнѣ
Все немиле все пастыло
Истрадаю я по немѣ

Въ лѣтний день и темны ночи
Нво снѣ и на яву
Слезы мнѣ туманять очи
Все летела я къ нему
Мнѣ неужны все наряды
Ленты банны и парчи

Бодри молодца и взгляды
Сердце бѣдное зажали
Зжался зжался же родная
Небрани меня бранить
Знать судьба моя такая
Что должна его любить.

Лист № 7

Бать чашницъ шумѣть,
Сара ачъ бабы дивятъ.
Ой вы дивны:
Ой вы бабы молодцы:

Бому вынѣ дати бому старѣ,
Бому вынѣ вы сароманѣ.
Вышла дѣвка молодца
Норасхвѣталась она:
Ой вы дивны:
Ой вы бабы молодцы:

Какъ вѣстѣ меня милою
Плювала да миловала.
Криво съ сердцу прикинула,
Она сударушкою называла
Ты сударушка моя
Вѣрно жила бы мнѣ:

Какъ тебѣ мнѣ не любить,
Не могу тебя забыть.
Ой вы дивны:
Ой вы бабы молодцы:

Лист № 8

Что съ тобой, Аня, стало?
 Не слышатъ твоихъ речей;
 Все все въдыхаешь — а бывало
 Ты поешь какъ соловей
 Съ милыхъ тыла говорила
 А безъ милова зрущу.

По неволѣ пригнула;
 Того я милова сыну?
 Развѣ милова другаго
 Не найдешь въ пошарникова
 Выбирай себѣ любовь;

Всякъ любить тебя готовъ
 Хотѣи мой прельститься,
 Все я буду горевать
 Сердце съ сердцемъ подружится:
 Уже невольно выберать.

Печатать позволяется Москва 1861. Год. Апрель 19. А. Цензоръ Князь Левовъ. Изданъ А. Велюкина Печатъ въ Металл Чужина.

Какъ за рязького
Какъ за обстрою,
Въ тѣмъномъ во добу.

Брама дѣвица,
Брама красная,
Вѣрники зрѣли;

Бравши рыжик
Бравши сѣвѣж
Плотно пѣла така;

Не ходитъ сѣда,
Не гуляетъ сѣда,
Парню молодцу;

Эту пѣсню,
Эту златую,
Парень-цѣловаль,

Въ красной дѣвцѣ,
Въ прекраснѣйш
Въ мѣсѣ отъ прѣлѣна

Печатано въ типографіи Н. С. Соловьева въ Москвѣ. Издано въ Москвѣ. Т. Куркина.

Во всен деревни Катинька
Красавицей слыла
И въ самомъ дѣлѣ Катинька
Какъ розанчикъ была

Песня 1854 г. Житѣль 12-ти лѣтъ

Прекрасны русы волосы
По плечикамъ вились,
А глазки, только взглянь нашихъ
Съ сердечкомъ распростись

И всѣ удалы молодцы
За Катинькой гнались
А жены всѣ съ мужьями ужь
За Катиньку дрались!

Песня 1854 г. Житѣль 12-ти лѣтъ

У насъ было на улицѣ,
У насъ было на широкой!
Ай, люли, люли, люли,
У насъ было на широкой!
Красны дѣвки разыгрались,
Молодушки расплясались,
Ай люли, люли, люли,
Молодушки расплясались!

Одна дѣвка лучше всѣхъ,
Въ косѣ лента шире всѣхъ!
Ай люли, люли, люли,
Въ косѣ лента шире всѣхъ!
Молвыа красавица
Тайно парню милому,
Ай люли, люли, люли,
Тайно парню милому!

Ты послушай милой мой,
Радость, сердцу дорогой,
Ай люли, люли, люли,
Радость сердцу дорогой,
Ского мой отецъ родной
Тебѣ будетъ не чужой
Ай люли, люли, люли,
Тебѣ будетъ не чужой!

Арина, сиринчика береговая!
Что же ты, сиринчика, нежно горюша,
Неясно горюша, небысьсиваема!
Или ты, сиринчика, вь песьи небыла!
Или ты, сиринчика, небысьсиваема!
Или свекровь лютаа воемь подыла!

ЛУЧИНУШКА
Подружки голубушки, ложитесь опять,
Ложитесь подруженьки вань некого ждать;
Ах вы молоденьки, всю ночьку неспать,
Всю ночьку неспать, постелюшку сплать,
Постелюшку сплать, мила дружка ждать.
Первой сонь за снала х-мила друка нить.
Песня вольная. М. Сиринчик. Год 1848.

Вручей сонь за снала х-сердечного нить,
Претий сонь за снала х-дуря вь песьи нить,
Но бь песьи подруженьки х-милый идет:
Салопки на ножках поскрипывают,
Соболиная шубушка по шумливает:
На шубушки пугавки погремливает.
Песня вольная. М. Сиринчик. Год 1848.

Лист № 13

Ты настася, ты настася,
Отворилка ворота,
Ах выли ах выли,
Отворилка ворота,
Дык рада отворилка,
Буйный вьтеръ вьзвещаетъ,
Ах выли ах выли,
Буйный вьтеръ вьзвещаетъ.

Буйный вьтеръ вьзвещаетъ,
Частенько дождяшко съестъ,
Ах выли ах выли,
Частенько дождяшко съестъ,
Пара ехатъ со двора,
Пара ехатъ со двора,
Ах выли ах выли,
Пара ехатъ со двора.

Пара ехатъ со двора,
Вь настасяны ворота,
Ах выли ах выли,
Вь настасяны ворота,
Ты настася, ты настася,
Отворилка ворота,
Ах выли ах выли,
Отворилка ворота.

Отворилка ворота,
Принималка сокола,
Ах выли ах выли,
Принималка сокола.

Лист № 14

Дозволено Цензурою Моск. 17 Февраля 1868 г.

Ай во полѣ! Ай во полѣ!
Ай во полѣ липанька!
Подѣ липною, подѣ липною
Подѣ липною бѣль шатерѣ
Вѣ томѣ шатрѣ столѣ стойтѣ,
За тѣмѣ столомѣ дѣвица

ПѢСНЯ.

Рвала цвѣты со травы
Вила вѣнки съ городы
Кому вѣнокъ носить?
Носити вѣнокъ старому
Старому вѣнокъ не носить

Мую молодость не сверечѣ
Ай во полѣ липанька!
Подѣ липною бѣль шатерѣ
Вѣ томѣ шатрѣ столѣ стойтѣ
За тѣмѣ столомѣ дѣвица!

Рвала цвѣты со травы
Вила вѣнки съ городы
Кому вѣнокъ носить?
Носити вѣнокъ молодцу
Молодецъ тотѣ вѣнокъ носить
Мую молодость свережетѣ

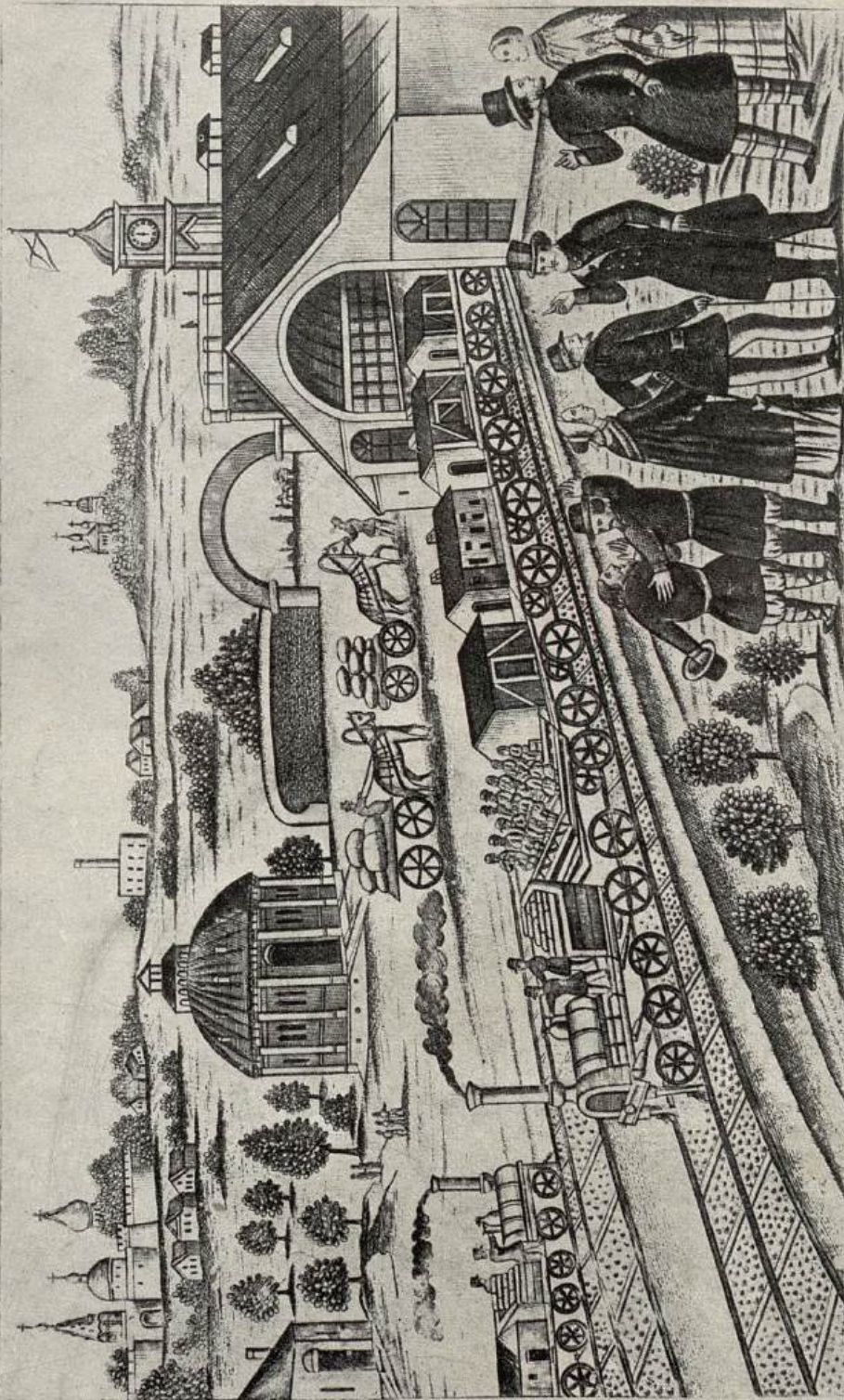
Авторъ Е. Кошкинъ
на 4-мъ Моск. ун-тѣ
въ сестринской дѣлѣ

НЕШЕИ ТЫ МНѢ, МАТУШКА КРАСНОЙ САРФАГѢ.
НЕ ВХОДИ РАДИМАЯ, ПО ПУСТУ ВЪ ИЗЪ ЯНѢ.
РАНО МОЮ КОСЫНКУ НА ДВѢ РАСЦЕЛѢТЬ.
ПРИКАЖИ МНѢ РУСОУ ВЪ ЛЕНТЫ УБРАТЬ.

ИСКУСЬ НЕ ПОКРЫТА ШЕЛКОВОЙ ФАТОЙ
ОЧИ МОЛОДЕЦКА ВЕСЕЛѢТЬ СОВОИ
ТОЛИ ЖИТЬЕ ДЕВНЬЕ ЧТОБЪ ЕГО МЕНѢТЬ.
ТОРОНИТСЯ ЗАМУЖЪ ОХАТЬ ДА ВЗДЫХАТЬ,

НЕ ВЕКЪ ТЕБѢ ДИТЕТКА ПИШЕЧКОЮ РАСПЕВѢТЬ.
ЗЛАТОКРЕМЛОЮ БАГОМЦКОЮ ПОЦЕЛѢТЬ ВЪ РЪДѢТЬ.
ПОБЛЕКНУТЬ ВЪСѢ РОЗОВЫ ЦВЕТЫ,
ПРИСКУЧАТЬ ЗАБАЛУШКИ СТАСКИВШЕЯ ТЫ.

Близъ Красныхъ воротъ, Тамъ увидишь кой что много;
 Что на тѣло поворотъ, Тамъ желѣзная дорога,
 Мѣсто худо освѣщено; Сбыражалъ враса
 Тамъ диковинка явилась, Просто диво, чудеса,
 Тамъ на жѣлѣзѣ напущено Въ два пути желѣзныхъ шины
 Выростъ вдругъ огромный домъ По путямъ летятъ машины
 По Дерзавной водѣ Паровой, Не на парѣ — на парахъ,
 Домъ взоромъ чудасной, Барской Посмотрѣть, такъ право страсть,
 Башня на домъ стоитъ, Денегъ лишь отдастъ на жѣлѣзѣ,
 Блждей часъ зѣвнѣтъ едутъ Помянши — несутъ за дѣбѣи,
 Сажовонъ захисловатый Чрезъ полчаса нѣтъ часа —
 Чай заморской преготовый Ну ужъ дивная лошада!
 Ава дворъ когда водаетъ Отъ того онъ сменѣтъ пѣсѣ, тѣмъ много,
 И что еще набѣтитъ. Русты похитѣтъ Самоваръ.

ПѢСНЯ.

Богатырская повадка, Тащить тыщамъ пудовъ
 Словно какъ визаву дровъ; По за то во всю дорогу
 Сажовонъ самодатно, Чего стѣла въ не слыхать
 Пользительно прѣятно, Чего стѣла въ не слыхать
 Жонъ стоитъ — ли все пыхитъ, Не дастъ минуть онъ разокъ
 Фырнетъ исгравн и паромъ, Какъ прикатитъ въ Интеръ разокъ
 Запиреть вадрутъ самоваромъ, Ай да конь нашъ самоваръ
 Небачаетъ не тратетъ, Русской удачно ворагъ;
 Словно вихрѣтъ понесетъ; Но скажу я вамъ всѣхъ шитокъ
 Отъ чего сильна лошада; Чо прѣдѣше яснае стокъ
 Чо задивилъ загада; Вѣдь не вѣзкая дорога
 Чо того онъ сменѣтъ пѣсѣ, тѣмъ много, Чо ланну гочинили;
 Русты похитѣтъ Самоваръ.

ХИЩНЫЯ ВОЛКИ НАПРОБЖАЮЩИХЪ

Аиной зыбка на тройкѣ мчался
Въ степи пространной, сибирской
И колокольчикъ заливался
Веселой пѣснью, подъ дугой
Ано поднебесью катилась
Луна средь бѣлыхъ облаковъ,

Вдругъ стая страшная явилась
Голодныхъ изъ льсу волковъ.
Съдохъ дорожный пистолетъ
Въ десятый разъ ужъ заряжаетъ
А зверь за зверемъ привываетъ
И путникантъ спасенья нѣтъ.

Но, закусивши удила
Несется тройка удалая
И чтожъ, чрезъ часъ едва живая
Остановилась средь села.
Ну, спасибо, бамъ родные!
Ящикъ молвить, а везъ вась
Стени хладно сибирской
Убавкажи бы настъ!

В. авторъ. В. Шереметьевъ. неастроно

Волузякъ, Волузякъ
 1 Волузякъ, зеленыхъ лѣзяхъ!
 Выросла выросла
 2 Выросла трава шелковая
 Разцвѣли, разцвѣли,
 3 Разцвѣли цвѣты маюргевы

Съ той травы съ той травы,
 2 И съ той травы выкормлю коня,
 Выкормлю, выкормлю
 3 И я выкормлю выглажу его,
 Поведа поведа,
 4 Поведа я коня къ батюшки

Батюшка батюшка
 2 Ахъ ты батюшка, родимой мой
 Ты прими, ты прими.
 3 Ты прими слово ласковое
 Не отдай, не отдай,
 4 Не отдай меня застарова за мужъ

ПѢСНЯ.

Старова, старова
 2 Ия старо насмерть не люблю.
 Со старымъ со старымъ
 3 Со старымъ гулять не пойдю
 Ты отдай меня за ровню
 4 А съ ровнею гулять пойдю

ПЬСНЯ ПРО ТО КАКЪ ЖЕНА ПИЛА ПИВО, ДА МУЖА ПАОРМИТЬ ПОЗАБЫЛА, И КАКЪ МУЖЪ ЗА ТО НА НЕЕ НЕ СЕРДИЛСЯ, А ПО ГЛУПОСТИ ЕИЖЕ ПОКЛОНИЛСЯ.

Мужикъ пшенику пахалъ
Самъ на солнышко глядѣлъ .
Какъ дружить - то мужьямъ жены
Ужъ и завтракать несутъ .
А моя шельма жена

Мнѣ овѣдать не несеть .
Отприму - ли я лошаду ,
Я поѣду по лѣсокъ .
Ужъ я вырѣжу лозу
На свою шельму жену .

Ужъ ты гдѣ жена была ,
Гдѣ сударыня была ?
Я была сударь была .
Что у кума , у кумѣ .

И ты что жена пила ,
Что сударыня пила ?
Пила пиво и вино .
За твое сударь здоровье
Чару меду выпила .

Мужикъ пшенику пахалъ .
Самъ на солнышко глядѣлъ .
Какъ дружить - то мужьямъ жены
Ужъ и завтракать несутъ ,
А моя шельма жена
Мнѣ овѣдать не несеть .
О , о , ох - хонюшки мои .

Отприму я лошаду
Я поѣду по лѣсокъ :
Ужъ я вырѣжу лозу
На свою шельму жену .
Ох - хонюшки мои .

Подѣзжаю по двору
Жена ходитъ по двору ,
Что развѣсившая ,
Разрумянившая :
Что во сини по пависѣхъ
Во Рукавичкахъ полчихалъ .
Ох - хонюшки мои .

Ужъ я брошу - ли лозу
Подѣлаю я жену .

А спасибо те жена
Не забыла ты меня .

Ужъ ты гдѣ жена была ,
Гдѣ сударыня была ?
Я была сударь , была
Что у кума , у кумѣ .
И ты что жена пила .
Что сударыня пила ?
О хонюшки мои .

Пила пиво и вино .
За твое , сударь , здоровье
Чару меду выпила .
Ужъ я брошу ли лозу ,
Подѣлаю я жену :
Ох - хонюшки мои .

Аи спасибо те жена ,
Не забыла ты меня .
А жена - то отвѣсаетъ :
Ужъ и гдѣбъ тебѣ забывать :
Не можъ шельму мочить .
О - о - ох - хонюшки мои .

Печатъ под Москвою , 20 Авг 1857 г. Цесарь Н. Гаврило. Цесаревъ

Воск. 1858 г. изд. въ Мѣстѣхъ А. Шершова

Рис. Дим. М. и Шибирякова. С. Демуръ. Телетовъ. Калитовъ.

Дел. въ издательствѣ Логина Д. С. ГЛА.

НОВАЯ ПЬЕСА ПОУЛИЦЬ МОСТОВОЙ ВДОЛЬ ДОРОЖКИ СТОЛБОВОЙ

ПОУЛИЦЬ МОСТОВОЙ
ВДОЛЬ ДОРОЖКИ СТОЛБОВОЙ
ШЛА КРАСОТКА ЗАВОДОЙ
ЗА НЕЙ ПАРЕНЬ МОЛОДОЙ
ГОКУРЧАВОЙ ГОЛОВОЙ
КРИЧИТЪ МИЛОЧКА ПОСТОЙ
МАТРЕШЕЧКА ПОДОЖДИ
ВАНЮ ДУШЕЧКА ВОЗМИ.
ПОЙДЕМЪ ВМЕСТЬ МЫ СЪ ТАБОМЪ
ЗАВОДОЮ КЛЮЧЕВОЙ
МНѢ ОТРАДНО БЫТЬ СЪ ТОБОМЪ
ЛЮБОВАТЕСЯ КРАСОТОЙ.
ЧТО ТАКАЯ ТЫ ЗАМѢЧКА

ЕСТЬЛИ ТАКА ТАКА КАРТИНКА
АХЪ ТЫ ПАРЕНЬ МОЛОДОЙ
НЕЙДИ ПОВОДУ СОМНОЙ
НЕВЛЮБЛЯИСЯ ТЫ ВЪ МЕНЯ
НЕГУБИ ВАНЯ СЕБЯ
Я ОДНА НАПРУДЪ ПОЙДУ
ТАМЪ КУЗМУ СВОЮ НАЙДУ
ЯНОЧКУ ТАМЪ СЪ НИМЪ ТУЛЯТЬ
ДОРОГИ ЦВѢТЫ СБИРАТЬ
ТЕБЯ ВАНЯ НЕЛЮБЛЮ
ИЗЪ ЦВѢТОВЪ ВЕНОКЪ СОВЬЮ
КУЗМУ БУДУ ЦЕЛОВАТЬ
ДОРОГИ ПОДАРОКЪ БРАТЬ

Я ВОЗМУ СЪ НЕГО ПОДАРОКЪ
И ПРОДАМЪ ВОГОРОДЪ ВЪ ЛАВКѢ
СУКНА СИНЯГО КУПЛЮ
АРЪМЯКЪ ВАНИ СОШЬЮ
КУЗМУ СТАНУ ЦЕЛОВАТЬ
ВАНЮ ЖЪ СТАНУ НАВѢЩАТЬ
ВАНЯ ДОРОГЪ ДЛЯ МЕНЯ
КРѢПКО ЛЮБИТЪ ОНЪ МЕНЯ
ПОУЛИЦЬ МОСТОВОЙ
ИДЕТЪ ВАНИЧКА ЗОМНОЙ
НАШИРОКОЙ СТОЛБОВОЙ
МНОЮ ЛЮБЕВЕТСЯ ОДНОЙ

Что ты синовъ мужицкѣ,
Видъ весна на дворѣ;
Всѣ соседи твои
Работаютъ давно.
Встань проспись, подмнись,
На сонъ потяни
Что ты былъ и что сталъ;
И что естъ у тебя
На гумнѣ ни снопа,
Нѣ закромахъ ни зерна
На дворѣ во травѣ.

Хоть шаромъ покати;
Нѣзъ катей домовои
Соръ мстаю подмеси
И лошадей твоихъ,
Но сосѣдямъ развеса,
И подъ лавкой сундукъ.
Опрокинуть лѣжеть;
И согнувшись нака,
Какъ статушка стоитъ;
Всюдуи время свое
Какъ котваю оно;

По полямъ по лугамъ,
Золотою тѣлою;
Со двора и гумна,
По дорожкѣ большой,
По селамъ, по городамъ;
По торговнѣ люднѣ;
И какъ дери тебя,
Развороти вездѣ,
И въ почетныхъ домахъ,
Было мѣсто твое;
А теперь вонъ окрестъ,

По дорожкѣ сидишь;
И весь день на весѣ;
Безъ просны ты сижи
И въ поляхъ сидишь,
Халѣ нежатыи стоишь
Внѣзъ мечеть зорю
Ишла зорѣтъ сто.
Что ты синовъ доживишь
Нимъ ужъ это проше;
А ужъ осень пришла,
Черезъ прѣсно пидишь;

Въ снѣгъ зимы зима,
Въ тѣлои шѣи нѣтъ;
Итъ снѣжкомъ вѣтрѣтъ;
Вонъ снѣгомъ крѣтитъ;
Всѣ соседи въ саняхъ,
Халѣ вѣзуть проклатъ
Собираютъ каину.
Былъ доживишь нѣтъ;
А ты синовъ мужицкѣ,
И безъ халѣ сидишь;
Лучше встань потрѣсъ.

Лист № 25

ПѢСНЯ

Мужицкѣ пашенку пахалъ,
Самъ на солнышко взирааъ,
Глядѣть какъ чужіе то жены
Мужьямъ затрѣкать песутьъ
А моя жена позлѣла променя
Дай я выпрягу лошадицу
Самъ пойду въ кусты

Вѣтъ я вырежу лозу на свою жену
Подъ пѣжаю ко двору жена ходитъ подворъ
Жена ходитъ подворъ повесими гволю
Ина едѣ жена была я была у батюшки въ гостяхъ
Илѣмъ же ты жена
Меня подрабачала
Она отвѣта никакого неказала

Лист № 26

А пойду, пойду касить
Во зеленый лугъ!
Ты касаль моя
Коса острая

Не тупися ты
О младу траву!
Красны дѣвицы
Перемѣнчивы;

Объщанья ихъ
Точно ласточи
Навьстятъ весной
Да и скроютъ.

Нить! небыть тому,
Добрый молодецъ,
Чтобы дѣвицы
Измѣняли вамъ,
Красны дѣвицы
Любятъ вѣрно васъ!
А вы молодцы
Разудалые,

Полюбивши насъ
Покидаете
И красавица
Сохнетъ съ горести.

Исх. Русск. и др. Народн. Пѣсн. 1841. 2-е изд. 1843.

Иуст № 28

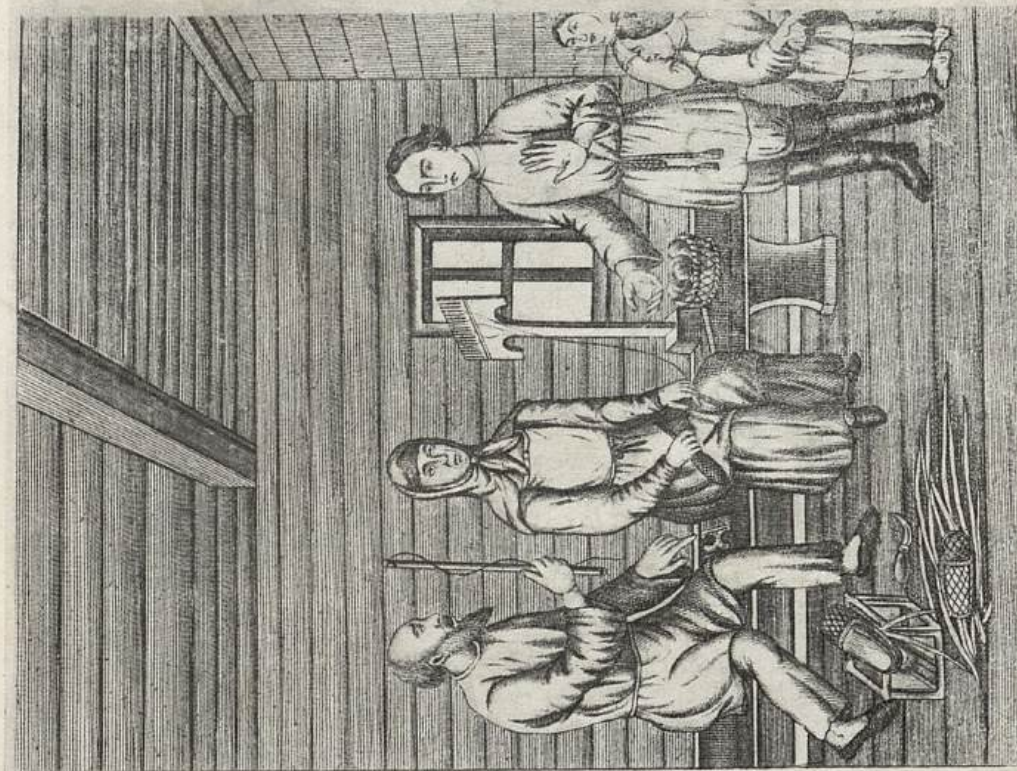
Туча № 29

Я съ хозяиномъ расчелся,
ни чело мнѣ не пришлось;
всю дороженьку пошелъ,
А брошчетъ тоскавалъ;
кула деньги я дала,
я чрезъ десять дней въ десяткой;
и въ деревню жить попалъ,

я приношу обаявшихъ
Векъ смѣлся на домной;
уже дежа тому статся,
что бы денегъ неажитъ;
позивика здесь въ асрѣвнѣ,
похвѣлка срыкъ шей;
и по копейка въ лѣсу пней,

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ ИЗЪ ПИТЕРА ПРОМОТАВШАГОСЯ ТРАКТИРЩИКА ПЕСНИ

А рудевикъ завертиса,
я въ асрѣвнѣ kwamъ пришло;
въ Петербургъ, денегъ многа,
почти даромъ тамъ дають;
я въ неседе возму немнога,
вамъ гостищевъ на куплю,
и по обновѣ я сошею,

толи дѣло житье питерь;
потребковъ трактировъ много,
часкъ хотъ голову оленъ;
Вы пустить меня въ Питеръ,
я неведу балавать,
стану деньги на жевать;
естай гривенничекъ случится,
то въ сумдукъ его запру!

Пряди моя пряха,
Пряди не льнися
А вы рада пряди.
Да меня въ гости звали:
Звали, забывали
Къ сосѣду во бесѣду
У сосѣда будетъ

Мой милый пригожій,
Мой милы хоршій,
Бьлой, кудреватый.
Холость, неженатый
Вотъ ѣдетъ мой милый
На ворономъ конь,
Въ вѣломъ балахонъ

Шапочка съ углами,
Головка съ кудрями
Къ двору подьбзжаетъ,
Дѣвица встрѣчаетъ,
За ручки хватаетъ,
За столикъ сажаетъ.

— 200 —

РУССКАЯ СВАДЬБА

Государь ты нашъ Батюшка,
Сестъ Андрей Прохоровичъ.
Государыня ты Матушка,
Сестъ Анна Яковлевна.
Ты садись, матушка да усаживой.
Ты пои гостей да упрасивой.

А вы родной Батюшка,
Посль Вльчанин! пиръ.
Всѣхъ гостей прѣзжихъ
Съ чужой дальнии стороны!
Тевѣ пьеню поемъ
Тевѣ величаемъ!

А что сватушка коренной и свахонька.
Каренная Я идущу сать состоканчикомъ
Стаканъ съ питьемъ, голова съ желемъ
Тевѣ ватюшка родной стаканъ принять
Прими да вкушай, а послѣ тевѣ
Въ горнищѣ насѣ въсѣдуйшай

Пѣсня РУССКАЯ ПРОСТОНАРОДНАЯ

Не будите молоду
Ранымъ рано поутру;
Разбудите молоду
Когда соннышко взойдетъ,
Пастухъ выйдетъ наужокъ,
Заиграетъ воровокъ,
Хорошо пастухъ играетъ
Выговариваетъ:

Выгоняйте вы скотину
На широкую долину!
Гонять дѣвки, гонять бабы
Гонять малые ребята!
Становились во кружокъ,
Одна дѣвка весела,
Въ хороводъ плясать пошла,
Она пляшетъ, руком машетъ.

Пастушка къ себѣ манитъ,
Поди кони пастушокъ,
Поди миленькой дружокъ!
Вросилъ стада пастушокъ,
Пошелъ къ дѣвочки въ кружокъ,
И полстада потерялъ
Когда бъ знала молода,
Не манилабъ пастуха!

Печат. Дозв. Москва 21. 9 Сп. тисн. 1855 г. Ценою 10 к. Фот. Круж.

Печатано въ Типографіи Н. В. Сива. М.

Если жъ жизни, я свою
Положу на полухъ,
Тогдаа душу мою
Помни ты въ молеблахъ,
Но не плачь, не тужи
И себя не круши

Какъ изъ дѣвня пути,
Со крестомъ на груди,
Я къ тебѣ вѣрую,
Ко падучи своей,
На тебѣ я женюсь,
Ненаглядной моеи!

ПРОЩАНИЕ

Я твою ли слезу
На груди знесу,
И она среди слъзъ
Будетъ сердце мѣ жечь!
Вражки силы поплемъ,
Мы огнемъ и мечемъ

Ты не плачь, неторый,
Моя миленькая,
Не тужи, не тоскуй
Ты хорошенькая,
Слезъ горючихъ не лей
Предѣстныхъ очей.

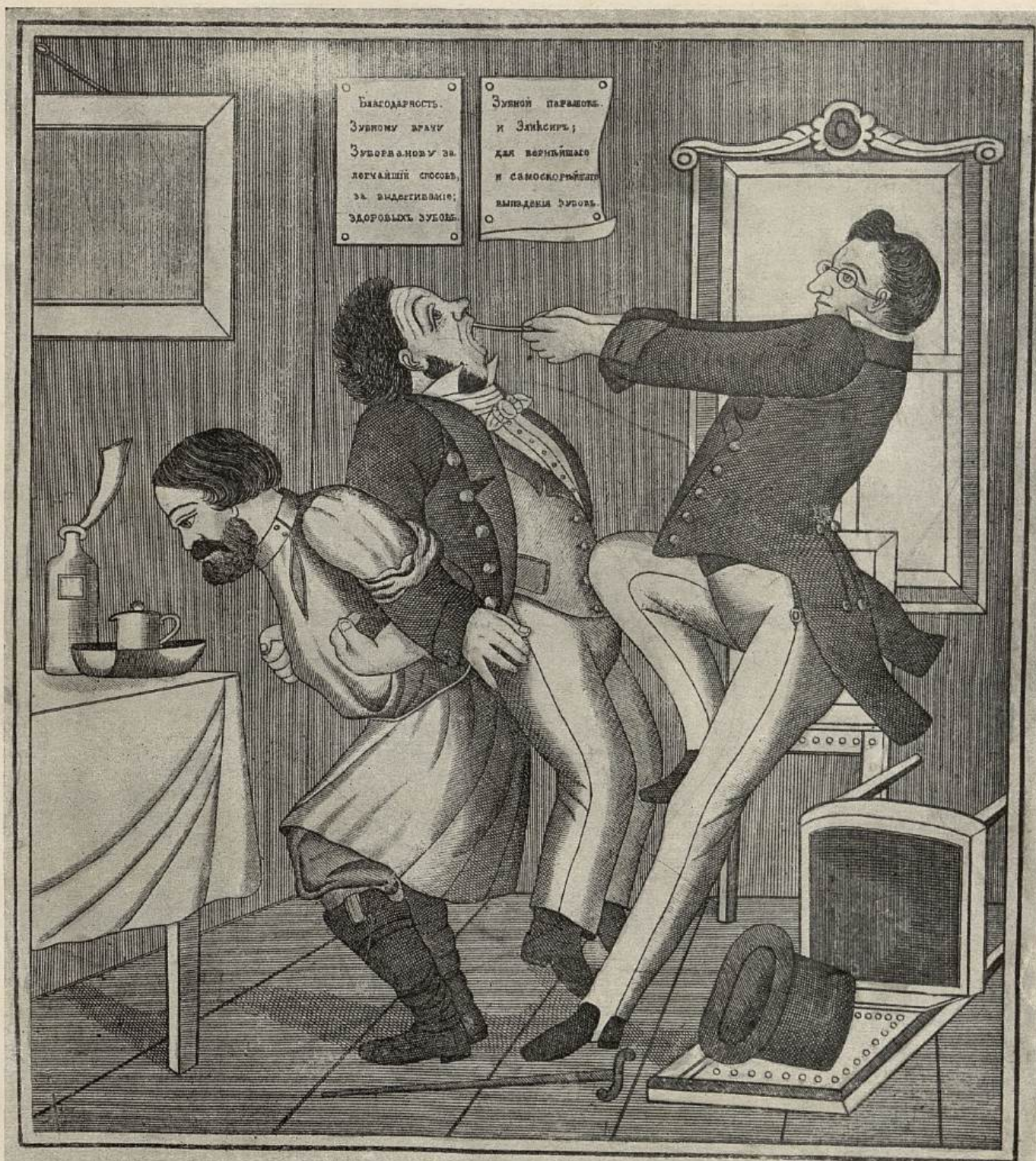
КАЗАЦКІЙ ПРАЗДНИКЪ

Сиди голубъ на тычинкѣ, голубка на бышнѣ. Кажи мнѣ, чернобровый, что мѣшѣш на мысѣ.
Сидѣ хлопца въ концѣ стола, куртишѣ убирѣе, молодую молодицу къ себѣ приторѣе.
Вѣтраю а фортырѣчу, мнѣ старыи близѣе, аи мнѣ мнѣи чернобровый, куда жѣ мнѣ сѣю
бати, а сѣюбѣю, а сѣюбѣю, бнѣзѣи, по сѣю бнѣзѣи, сама лажу, сѣму скажу, що а нынѣ
спину! пришѣдѣ старыи, пришѣдѣ старыи, сполудѣ до хѣты, а а ручки, зѣломѣла, а а стала стѣнѣты.

Лист № 35

Лист № 36

сподинъ: Батюшки, отцы родные, помилосердуйте! Второе заплачу! только пустите меня и зубъ ужъ пересталъ болѣть. Зубной врачъ: не безпокойтесь. У васъ хотя и о- нь прочный зубъ, однако мы, всѣтаки, его овдлаемъ. Теперь, Кузьма, держи крѣпче, а я матужусь. Кузьма не бойсь, не сорвется. Господинъ. Батюшки! конецъ мой пришелъ...

Язык язык, купцы купцы
 Или просто жадность и алчность.
 Прелесть и золото они страхом боя
 Лишь только что не был не боя
 Вот и злы они спать — и спать
 В пахнущем, вонючем, мещанском
 Что будет всегда жить
 Они в житейских гостиницах:
 И спать они

[illegible]

Осудил прозекрын сну гробъ,
И вѣнъ, вѣнъ гербе и печатку
А въ сказанну потаѣн парочку
Кемперъ, съмотъ, мѣлѣ,
Потачъ, переню зинѣ
Чтобъ вѣнъ не растаплихъ,
Всѣмъ при мѣлѣ, хранихъ:
И зѣвъ оѣхъ подѣтъ въ мѣлѣ жѣтъ
Съ вѣнъ, вѣнъ, вѣнъ, вѣнъ, вѣнъ

Диск № 38

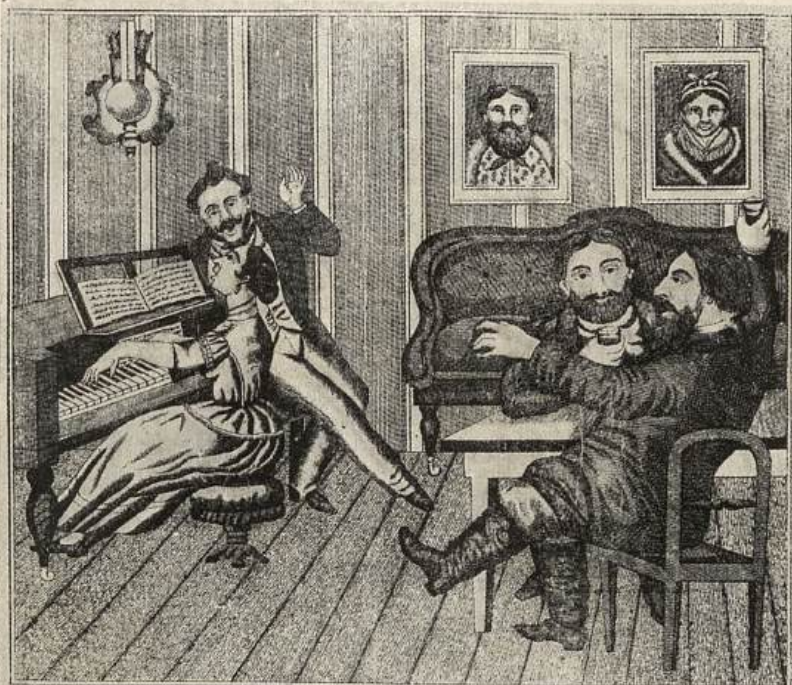

СКАЖИ ТО МОЮЮ СТРЕЧУ КОПАТИ НАЧАТЬ.
 ВРАТНЫЙ ПОДЪЕМ ЗЕМЛИ НАЧАТЬ ВДУХНУТЬ СМУНАРАТЬ.
 ОТЪ ДЕМОНАГО МОЮЮ ДА
 СКАЖИ ЗАКРЫВАЮЩИЙ ЗЕМЛЮ НА МОЮЮ ГОДЫ.
 А СКАЖИ ЗАКРЫВАЮЩИЙ ЗЕМЛЮ НА МОЮ ГОДЫ.
 ЗЕМЛИ НА МОЮ ГОДЫ НА МОЮ ГОДЫ.
 МОЮ ГОДЫ НА МОЮ ГОДЫ НА МОЮ ГОДЫ.
 ТАКЖЕ ВОЗЬ СЕБЕ СКАЖИ СКАЖИ СКАЖИ.
 КОМУ СКАЖИ СКАЖИ.
 НАЧАТЬ СКАЖИ СКАЖИ СКАЖИ СКАЖИ.
 СКАЖИ СКАЖИ СКАЖИ СКАЖИ.
 ПОСТАВИТЬ ТАКЖЕ СКАЖИ СКАЖИ СКАЖИ.
 НАЧАТЬ СКАЖИ СКАЖИ СКАЖИ СКАЖИ.
 И НАЧАТЬ СКАЖИ СКАЖИ СКАЖИ.

[illegible]

А въ впречтѣхъ да прохити судьба твою
 Здоровья скажаша, и въ шестъ
 Пронесъ десятилетъ хитъ другой
 Исправилъ службу, Довою
 Въ отечскъ предѣлахъ
 Что жъ видать? О восторгъ Скуменъ
 Скажешь въ румъ отъ года, до года
 на сундухъ и въ все перепитъ плывъ
 Тутъ духъ опять свои плащъ
 Семь присвоитъ
 И былъ сродни радъ
 Что сторожъ алчливъ ни денемъ
 чого у золота скупилъ ни въ тѣхъ ни въ шестъ

Лист № 39

ИЗЪ ПИСЬМА М. МАКИ КЪ Д. ПЕТРОВУ И К. КАМЕНЦУ

ИЗЪ ПИСЬМА Д. ПЕТРОВА

УЧИТЕЛЬ ПЬНІЯ

ОТЕЦЪ ЛЮТКА, КЛИМКА! СНИ НАМЪ ЕДАКЪ, ЗНАЕШЬ, МАВЕНЕЦКА ПОДАБОРИТЬЕ. ПРИМЬЕРНО ТА
КЪ, ЧТОБЫ ЗАХОДИЛИ ЧАРОЧКИ ПО СТОЛКАМЪ (СЪ ПЬНІЕМЪ) ДА ЧТО ЖЕ ТЫ, СУСЛІКЪ
ТЫ ЭТАКОЙ ПОДЛО ПОПТОРИТЬСЯ, ХВАТИТЬ КА ЕЩЕ ПО СТАКАНЧІКУ ОНО И ПІТЬ ТО
СЕРЬНО КАКЪ БЫ ПОДОБРОХОТИТЬЕ ПІВЪ МУЗЫКЪ. (СЪ ГИТЪЛЮ) «И! ГОСПОДИНЪ ТАКЪ
ПЬНІКЪ, ПІВНО УРОКОМЪ ТЕ ЗАНИМАТЬСЯ, ПРОШУ ПОКОРНО СЪ НАМИ РУССКАГО МАЗЕР
УЧКУ ОТКЛЮЧАТЬ: БЫДЬ ПІВНО И ДЬВІКЪ ДАТЬ ОТДОХНУТЬ... «И! ЖИ! ГОВОРИ! ЗАХОДИЛИ
ЧАРОЧКИ ПО СТОЛКАМЪ И ПРОЧ.

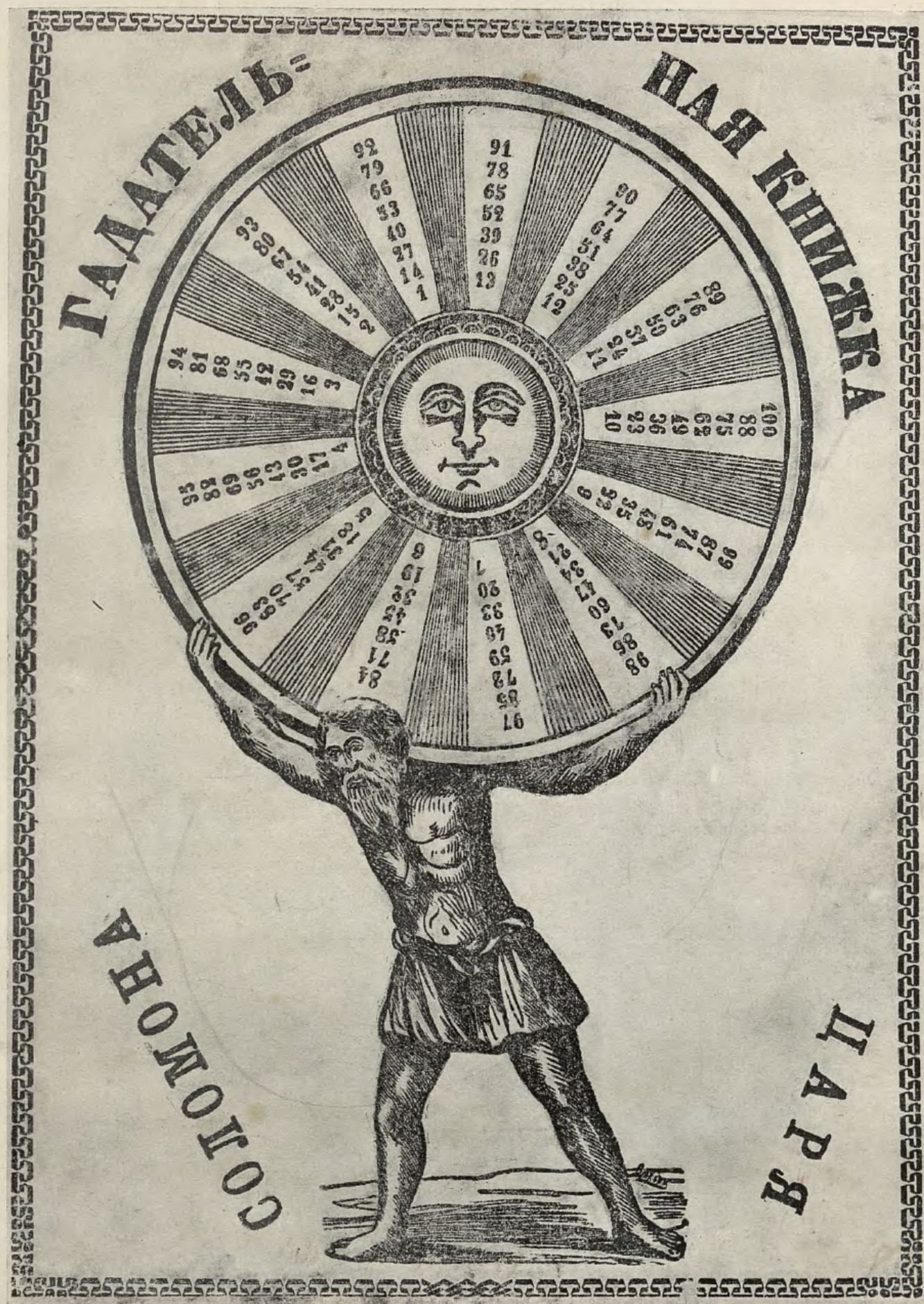

Пословица змѣа хота и умираетъ азельа все хваплетъ

Пословица естъ улюден а скажу впримѣрѣхъ кнѣи непомню котораго года коовлеученію народа скончалъ свои вѣкѣ приказной человекѣ то естъ подзааченъ которои всамои ещѣ вѣкѣ реба ченъ былъ выученъ соксакаго просить затрутъ которои такъ скоро поналъ ту науку все гда крючкомъ держатъ протагши руку пока ему дадутъ аскеруъ того онъ былъ пре израднѣи плутъ даипротчѣи крючки завидовали кору что онъ драмъ соксакаго безразво ру лишъ толко въ гдѣ ему случилось обмочить перо вчернѣиа состарилсѣ крючокъ ну же ослабелѣ ево и сила приходитъ кнѣму смерть скосою ибелитъ все дела негодныа броса ть и болше нечего писать подзааченъ нечего неговора ухваца черницу рукою адругую протанулъ къ смерти и уже лишасѣ силъ да же изъсмерти затруды просилъ

Лист № 45

ОХОТА НА СЛОНІЬ ЗА ТИГРОМЪ

Листъ № 49

КРИНОЛИНЪ или средство замѣнить имъ при случаѣ воздушный шаръ.

Знакомый, снявъ шляпу: А! почтеннѣйшій Прохоръ Никаноровичъ! мое вамъ всенижающее! какими это судьбами? вотъ оказія! не было въ паркѣ васъ калачомъ незаманишь, а монитѣ имъ какими франтомъ сюда явился. а что изволитѣ здѣсь подымать. никакъ природой залюбовался, на солнечный закатъ глядите! да что же кто вы не огаднетесь на меня, словно какъ бы это къ вамъ и не отъ носится. Прохоръ Никаноровичъ, не спускалъ глазъ съ неба: Ахъ батюшки бы мой свѣтъ, куда кака! пропала теперь моя Марушенька, ишь какъ ее, сердечную, бурей то подхватило, словно какъ бы перышко какое, такъ и жмѣтъ ее къ небу. Знакомый: да что же это такое случилось свами, почтеннѣйшій Прохоръ Никаноровичъ, раскажите же скорѣй. Фу ты, право какой бестолковой: да ты погляди где моя Маруша савишна. изволяла дома кринолинъ свой надѣтъ; говорила ей, смотри Маруша не надевай говорю, неравно гроза молъ подымется, али вихарь какой, такъ послѣ говорю молъ съ тобой и не спрашивайся; такъ нѣтъ видишь ты такой сякой говорю, старинъ хрипъ дискать все по старинѣ говоритъ наровишъ, а я по новизнѣ хочу, по нынѣшнѣ, да то есть вотъ те и по новизнѣ, вотъ те и по нынѣшнѣму... Ахъ ты Господи твою волю, что теперь станешь дѣлать, еще спасибо добрый человекъ попался, хотѣлъ было ее заногъ подержать, такъ куда тебѣ! и кто съ нею туда же. А что Сидоръ Панфиловичъ, куда это они прилѣпно залетѣтъ теперь. Знакомый: известно дѣло куда! ужъ какъ они тамъ ни бегутъ, а дѣвъ, маринной рожи не залетѣтъ: ишь бурей пофитихать стала, да и дѣло то идетъ къ ночи... А вы! поди ты, кажись? на валахъ имъ что ей за ноги уцѣпится и хороша бы для тѣлести и проч.

Печатъ нов. Москвитинъ 10 апр. 1853 г. Цензоръ Н. Каннистъ.

въ Москвитинъ Н. Н. Шеранова.

ЛЮДИ ИЛИ ДА ПЛУЩЬ БОЛЬШЕ ВЪЮННЪ!....

Печатать. Подъ Москва. 1858. года. Марта. Н. Ч. Цей. Н. Ф. К. К. К.

1858. г. Изд. въ Металлограф. Издатель. П. Н. Шаранова.

ПОСЛОДНИЙ: ско-о-лько съ же-мене 'а' **ПОДОВОЙ:** сень рюмочекъ-сень гривень съ-рубль сень гривень съ-два пирожка, да полпорціи судачка-рубль двадцать-пять рублей двадцать! **СЕЛЕНЧОКЪ** да **СОЛЕНЧОКЪ** рубль съ гривной съ, рюмочка да трубочка двадцать пять копѣекъ съ-всего восемь рублей двадцать пять копѣекъ съ пять копѣекъ взменъ милости почтенъ да тридцать ярославчанъ за услуженье, пожадуйте краснень въ расчѣтъ и вѣдѣтъ съ! **ХОЗЯИНЪ.** (малынку) вотъ, учись какъ услуживать! и хозяйни дѣтѣ воззу и гостямъ угоди! а главное въ догъ никуда каиниъ вѣдѣтъ, въ кагрозъ, никое! что бы ниостался должнъ къ квартальномъ! безъ всякихъ разговоровъ.

МОСКОВСКІЙ СВИТЕНЩИКЪ И ХОДЕБЩИКЪ.

Вотъ свитень горячій
Метъ казанскій.
Свитенщикъ астраханскій
Самъ, хохлится.
Самъ, шивелится.
Самъ, потрогиваится
Непій пива крушку
Выпей свитню напольшку.

Съ нашава свитню голова не болитъ
Ума и разума не вредитъ
Тетюшки, Варвары
широкия карманы
Марьи Ивановны,
Городские Барыни.
Изволте кушать,
А другие глядитъ да слушать

Пилъ самъ дядя Елизаръ.
Такъ и проситъ, назаръ.
Несъ поднесъ,
Подъ, самый носъ,
Какой вкуеъ, какой цвѣтъ,
Откушай сосетъ,
Все пьютъ да хвалятъ,
Нашего Брата и Поголовкѣ глядятъ
Цизуръ, фонъ, Крузе.

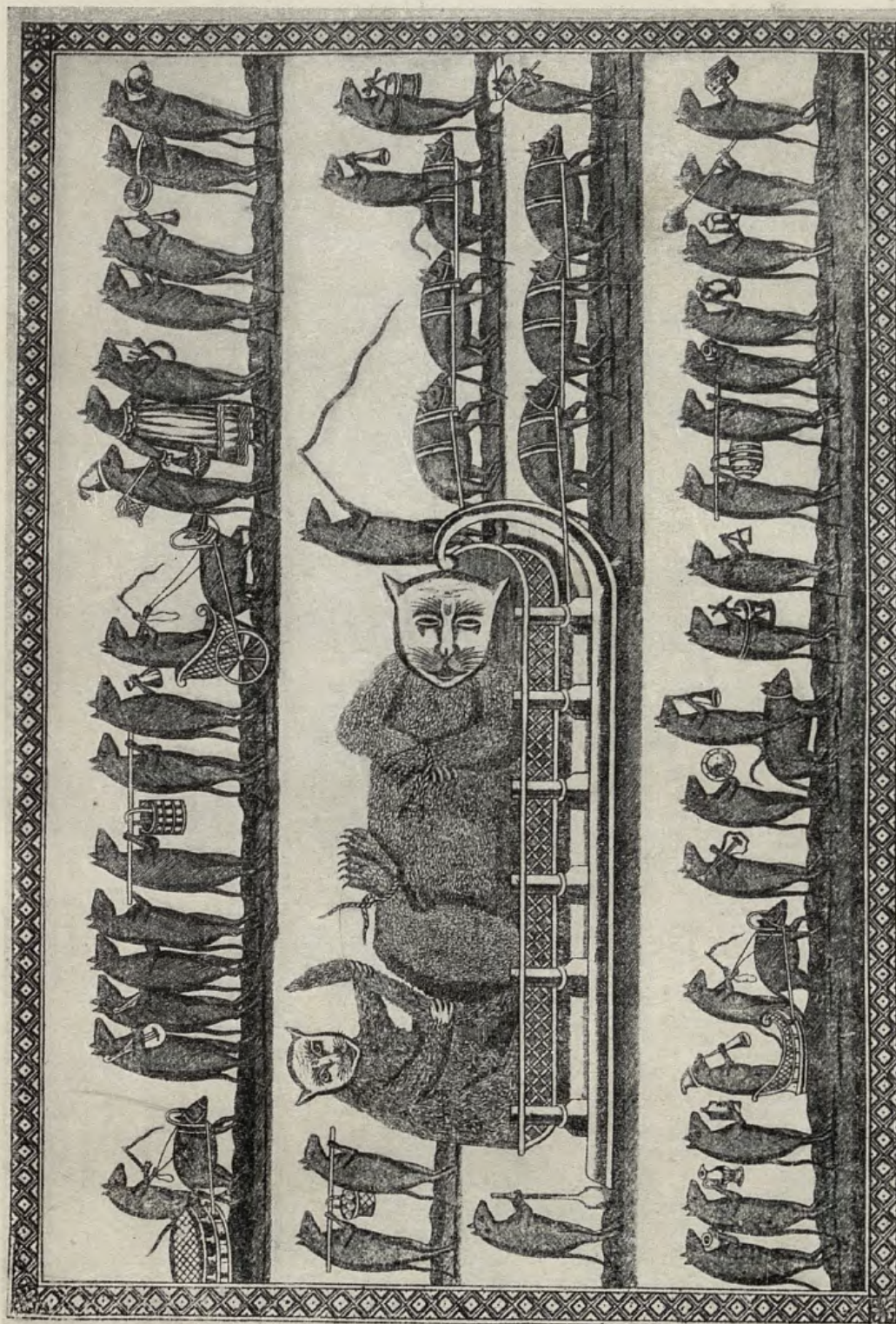
Печат Позво. Москва 1811. Доклада до дн. Литографир. А. Пракофьева.

РОССІИ ПРИДАЮ.

A black and white engraving of a 19th-century interior scene. A man with a mustache, wearing a dark suit and light trousers, sits in a large, ornate armchair with a floral pattern. He holds a long pipe in his right hand. A woman in a long, dark dress with a patterned shawl stands before him, holding a large sheet of paper. Another woman in a dark dress stands in the background near a doorway. The room features a window with a flower box, a clock, and a decorative stand with a vase.

Летограф А. Абрамов. Москва, на 1-й Мещинской улице, дом Вроковой

Услышь призванного жезоужу удалому и чистать бхулу самую ленихъ невестись, 1. Серги Золотыи изъ миди литья, 2. Кольцо Золотое коныи Серебряное позолоченое съ верху медью околоченое, 3. Четыре Кресты да Длинныи Щелачи, 4. Пятье Материю може мотъ съ Воробейныхъ голъ, 5. Шестую Салопъ шхуюю три Ислыхъ оковыи да на Сто кучей почини 6. Новожо дияи Мавтелия изъ гиллой Матери 7. Инакъ изъ Краснаго дерева отичный и ваяему Знаио приличный 8. Кожухъ и дергаю Чирнаго дерева лохотъ 9. Закалдику Повесеннаго, 9. Креста и стулья Крыныи и Косатокке большие и широкые, 10. Кладь, Инухъ, да Бухи, 11. Кроватъ оу трохъ ногатъ поменю въ родовахъ, 12. Пивна изъ Бжова, нухъ, 13. Боломена изъ тин оуха, 13. Одилю изъ Маскусувъ Соврано и все изодрано, 14. Кухольныи посуду три зюда разныи, 15. Подобии изъ да Чумирка, 16. Жюнаиа педемчала 16. Ружомойникъ да Корчага и ту разныа, Кухарна свияга, 17. Поженъ Исла чаша да боина Машиа, 18. Три Котла въ ть стогои до тла, 19. Три лагачи Посуды да три зюлы ихла, 20. Дюкками Розыи да венны да Сто чуха, 21. Егегъ, 22. Ести да камъ Сухаръ, мон голыкъ въ чести ть помыль посмортыть и Иныста эди!

НЕБЫЛИЦА ВЪ ЛИЦАХЪ.

Небылица въ лицахъ издана въ старшихъ свѣтлѣхъ завершенута въ черныхъ тусклѣхъ. Жилъ былъ котъ Захарьичъ а родомъ Захарьичъ Катофенъ Астраханскъ а. родомъ Казанскъ вотъ какъ. Мыши кота погрѣшали своего неслуга провожали ему честь отдавали поправанью котъ Катофенъ онъ часто шилъ Ерофенъ незначай онъ много выпилъ ерошки и въдѣрнулъ вверхъ ношки Катофенъ такъ ихъ и сталъ дунуть шпатель къ Катофену дѣвать она была нинюгата но только синюкомъ торовато пошла звать гостей извосятъ волосатъ почесать и поплать понагамъ поклѣтилъ скоро. Мыши собрались издадею прицѣлись пошла стрѣна рѣка стрѣли жарилъ Катофенъ хладилъ елины дожиленъ свое неслуга поминали котъ ноги ея рѣдко свезали и набождѣ дровни поминали Катофену съ ели поминали Катофенъ горько плакала рѣка и приножи приножала и захвостъ Катофенъ держала такъ, мыши кота поминали и ерофенъ дожидали.

Полное и в перах
и в в. 1871 г. 11. 11. 1871 г.

СВАДЬБА МЕДВЕДЯ МИШКИ КОСОЛАПАГО.

Разъ косолапый мишка разкутился
На лашке косолапой женился
Пиръ большой сотворилъ,
Всѣхъ медвѣдей пригласилъ.
Былъ у него и жужьканы
И франтики и франты.

И попила и обѣдала
И воюнты и обѣдала.
Жужьканы и граютъ,
небось что задуваютъ,
Гости пируютъ,
Иныя танцуютъ.

Другія изъ лоненъ изъясняются,
Уводитъ мишка изъ стараятъ
Третьи вотку по пиваютъ
Грусть тоску заиваютъ.
А хозипъ на гостей новуется,
съ молодой женкой целуется,

Залпны се беретъ
и салки ебнъ всѣхъ
Гости такъ по пирсалаи что
четыре дня головы по правили,
За пиръ мишекъ благодарили
И актъ пять проного говорили.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ

Увидя что мужикъ трудится надъ дугами
 Изъ приемылю большой сбываетъ онъ изъ срубу
 А дуги надъ гнуть съ терпѣньемъ и невдугъ
 Медведь задумалъ жить такими же трудами
 Вдругъ полѣсу пошелъ итрескъ и стукъ
 Что слышно заверсту медведя все проказы
 Орешнику березнику и вязы
 Мой миша погубилъ несмѣтное число
 А мишь не знаетъ такое ремесло

Идетъ нашъ миша къ мужику просить совета
 И говоритъ ему что за причина эта
 Деревьевъ много я ломать могу
 А не согнулъ какъ ты неодного въ дугу
 Скажи мой кумъ любезный и соседъ
 Выходи главное твое уменье
 А бхотѣлъ сказавъ мужикъ въ ответъ
 Бываетъ много и трудовъ дѣлетъ дѣлающему

Напрасно про бысовъ вѣстать
 Что справедливости совѣтъ имъ не вѣстать.
 А вѣдуть и самъ не рѣша измѣнять.
 И и прости, тому цѣль прости.
 Не случило какова - то въ адъ
 Завѣтъ съ кавказскими въ торжественности.
 Царя, дѣла пережить успѣхъ не вѣстать
 Не смѣхъ имъ.
 Кому, въ томъ, цѣль, цѣль, цѣль, цѣль, цѣль, цѣль.
 А въ адъ, прости, цѣль, цѣль, цѣль, цѣль, цѣль.
 Не смѣхъ имъ, цѣль, цѣль, цѣль, цѣль, цѣль.

Тысяч лет, ступая по тем же дорожкам и полям,
Предыдущим поколениям
Нашим предкам, Ахилесу,
А предки наши себя ступали мыслями какою,
Шли, что немалая доля их жизни,
И ступая, что переживали,
Вот, известность была за немалую ступали:
Но безжалостно не историли, того,
Оно, как, ступая за него, историли,
И, ступая, не, как, ступали,
Степая, ступая, а, ступая, ступали, ступали.

Но простили вы не правды отдали:
 Ты же, твое сиротливо ждало
 Опасно ты, когда клонясь:
 (Нужно, ведь, было и-то не мало!)
 Не знаясь ни к кому ты так издалась,
 Блудь свою кляня, калябанясь,
 Ишь, как же тебя свистели, ли за горлом
 Ни за чем-то!
 Твоя, такая, была, такая же была,
 Мертвее, чем ты же была!
 Но, как же ты, как же ты была!
 Но, как же ты, как же ты была!

Лист № 62

УРОКЪ МУЖЬЯМЪ ПРОСТЯКАМЪ И ЖЕНАМЪ ЩЕГОЛИХАМЪ.

Была мысля, что ухитрится
Чужак подлуче вырядится
Стал мужу глумиться
Стал ласково просить
Ах ты мужик муженек
Ты мой ласный соловек
Прощай аиста, а корону
Закупил ты мне пшено

Бедной лужа коть и нерат
Не готовь купить на радѣ
Продать зорнать и корову
Ничимъ жинь обнову
Сарафимъ была надева
Взякъ свирену расистала
Стала возу закарывать
Снеи коза пошла лалотъ

Также все льето пронюхала
Что зима кудз дровх застыла
Пу жана сказала мужикх
Теперь поиди ужж тушить
Сжиги тат худинный кафтанх
Нарядись ко ех сарафанх
Безодеялка ех товоу брину
Заплату тебе а ех сами

Въ зысто лошади сама
 Ты въ лесѣ съ возниа под рѣ
 Онъ зачула въ лесѣ въ цѣмъ
 И никлаи жозъ дрожа вели
 Нагору въ зыбѣнѣ поспѣши
 Инутииоу динилъи поули
 Нѣтъ ей дѣданѣ что жозъ вели
 дѣто сѣ додана иѣ жужъ те

Вз спланирувши сказала дхс-м
жм аужинез ты асвой соавоз
жм наманым дружокм свдсво
надз ласой продай ты оепоу
купя ты ласану ймну ветоу
нмкуду м купить коренного
комл толокм аинез бл саним
сиднгу м ларейм ты ймне

Лист № 63

Въ Атаману Лжирснхъ разбойниковъ представляютъ
 тяжкую пльну

Лист № 64.

СКИННАЯ ДОЧЬ ФАРКИ

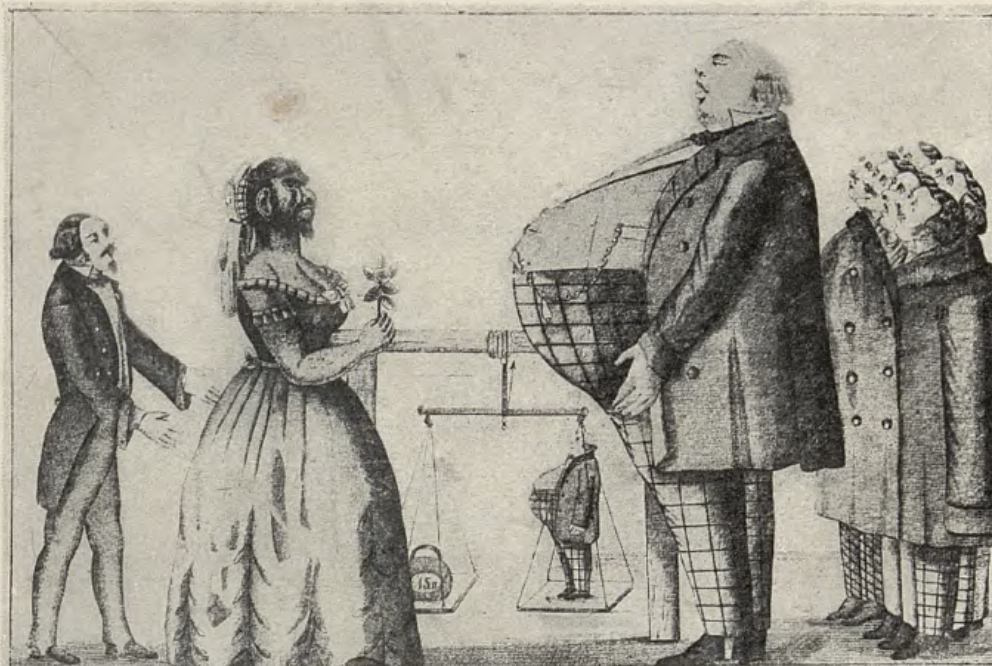
Рисует Петр Мокша. С. Москва. 1810. А. Смирнов. В. Мокша. В. Мокша.

Рис. на Медь. А. Смирнов. 1810 года.

Получивши от насъ, что она была связана съ Лавономъ, но Цирцея, которая такимъ-же образомъ Любема Давидъ оскорбившись предостерегла, которое онъ предъ нею дала въ Скину, заразивъ дѣвственными травами источникъ, въ которомъ ея соперница оживилась и вышла. Скина нечего отомъ невинности, которая помыслила, что она была такъ-же прекрасна, какъ и привратилась въ сладкую и жаркую. Допущенъ она была такъ-же прекрасна, но наградъ имѣетъ шесть сожженныхъ головъ, а остальная часть волка и змея увидѣвъ сестру таковою въ источникъ, и испугавшись своего безобразія бросилась въ волны лежащаго моря, гдѣ превратилась въ камень. Известный поминкомъ колыбельницею ея камень и въ настоящее время зидитъ въ самомъ проли въ Сицилискомъ, отдѣляющаго Сицилию отъ Италии, между Мессиною Сицилійскимъ и Рига Калабрийскимъ городомъ, но послѣдъ изъ которыхъ однимъ причислены были къ одному камню, сказываютъ, что чинъ въ томъ мѣстѣ слышалъ, какъ въ лай собакъ и вой волчицъ отъ сюда и заключили, что собаки и волки обезображены. Раса изсиряютъ всѣхъ людей подвергнувшихся кораблекруженію.

Лист № 66

Девушка Юлиа Пострана 23 летъ и замѣчательнейшій изъ жениховъ ея Рожеромъ Баркомъ 53 лѣтъ.

Девушка Юлиа Пострана 23 лѣтъ и замѣчательнейшій изъ жениховъ ея Рожеромъ Баркомъ 53 лѣтъ. Юлиа Пострана, дочь одного изъ богатѣйшихъ купцовъ, въ 23 лѣтъ уже замужемъ за Рожеромъ Баркомъ, который въ 53 лѣтъ уже одинъ изъ богатѣйшихъ купцовъ. Юлиа Пострана, дочь одного изъ богатѣйшихъ купцовъ, въ 23 лѣтъ уже замужемъ за Рожеромъ Баркомъ, который въ 53 лѣтъ уже одинъ изъ богатѣйшихъ купцовъ. Юлиа Пострана, дочь одного изъ богатѣйшихъ купцовъ, въ 23 лѣтъ уже замужемъ за Рожеромъ Баркомъ, который въ 53 лѣтъ уже одинъ изъ богатѣйшихъ купцовъ.

Лист № 67

ВЪ МАРЬИНОЙ РОЩѢ.

Медведь съ какою завываньемъ
Идетъ на друга, удивляясь
Увида медведя. Баю, въ сарафанѣ,
Аколышка мнѣ маршала плаванья
И съ фарту. Разъ они подружились
Музыка и пляска: вмѣстѣ научились
Повисъ въ усажденія къ хозяйнѣ жить
Играя и плясая виною вместе пить
Водка съ караваемъ, привалячонки брать
Замкнувъ пляску, совсѣтъ денежки брать
Привѣтъ изъ къ народу раскланялся всѣмъ
Съ прибыткомъ своею плясать изъ водки

Путя Миша пераъ всеслаъ
А ты мой козынька вертись поскорѣ
Ты мила съ балами въ свои ступи вълечи
А ты коза въ южки съ вѣнцами злѣкни
Ты мила въ притѣхъ пави триаца
А ты коза козынька таной казачка
Я съ вами же вмѣстѣ бауъ всеслаъ
А довраи люди намъ стануъ дивитъ
Аи скажуъ таптыгинѣ Аи удаицѣ
Играъ наачисъ плясая молодецъ
Икоза мастерица наложкахъ шрауъ
Нѣстѣннѣ и мнѣ виноу попинать.

Лист № 68

Бразильская обезьяна Юля Пастернак Славная дама имеет
мужчину послать в клетку и на роду заденьги кажет
про чуждо заморское историю расскажет. А это чудше
из Минусинской юнице А вот извольте видеть
каждо армянский капральник с Ярославской вавой и
жаба под старую вальманку отхватывают ногами
такой англичан отгадывают вот еще не да

Сильный Храбрый Богатырь Илья Муромецъ.

Выѣзжаетъ изъ Чернигова на Киевъ, подлѣзаетъ къ Брянскимъ лѣсамъ, въ тѣхъ лѣсахъ жила на ифидиати дубахъ Соловей Раз-
бойникъ который не пропускалъ ни коннаго ни пѣшаго олуунаха, своимъ посяствомъ вотъ онъ увиѣлъ Илью Муромца засвисталъ на доу
скалъ 90 верстъ потомъ за ю еще громче отчисто Конь спотыкнулся, Илья муромецъ подохалъ къ самому гнѣзду разбойника снлъ съ
шлъ тугой лукъ на ожилъ на мѣсто калену стрелу и пустилъ смъ въ правую глазъ Соловей свалился какъ овсяной снопокъ.

Листъ № 70

СЛАВНЫЙ СИЛЬНЫЙ И ХРАБРЫЙ БОВА КОРОЛЕВИЧЪ ПОРАЖАЕТЪ ПОЛКАНА БОГАТЫРЯ.
 Бова Королевичъ три тысячи пѣшихъ, вьстаетъ съ могучимъ Богатыремъ Полканомъ, такъ вьстелъ, что земля трясется, но Бова его поминаетъ,
 и онъ на землю уподаетъ и Бова Королевичъ Царствомъ владаетъ.

Лист № 71

Славный сильный и храбрый Витязь, Ерусланъ Лазаревичъ ѣдетъ на Чудо великомъ Змѣи
отрѣхъ главахъ. А Прекрасная Царевна Анастасія Вохрамеевна встречаетъ его.

Лист № 72

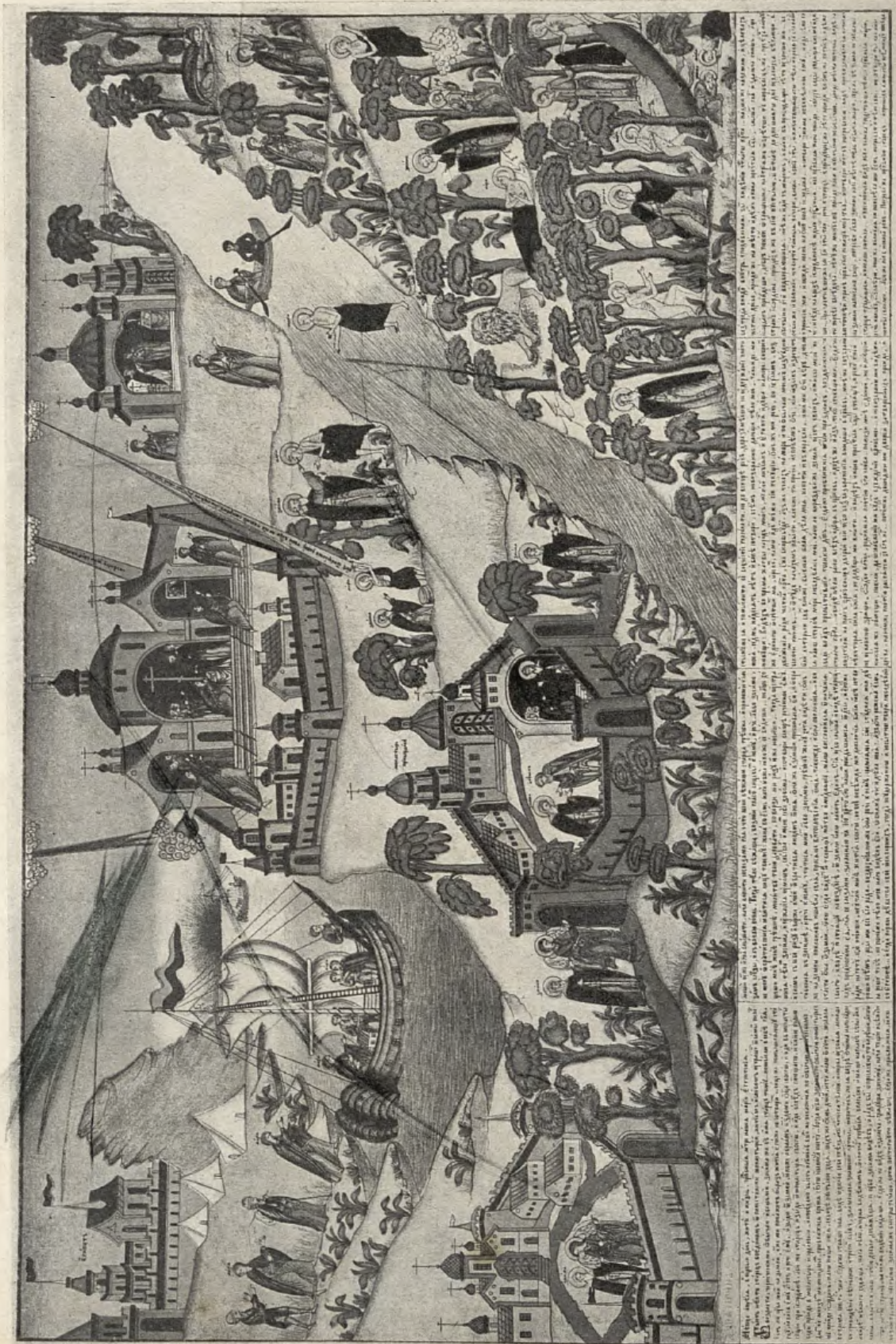

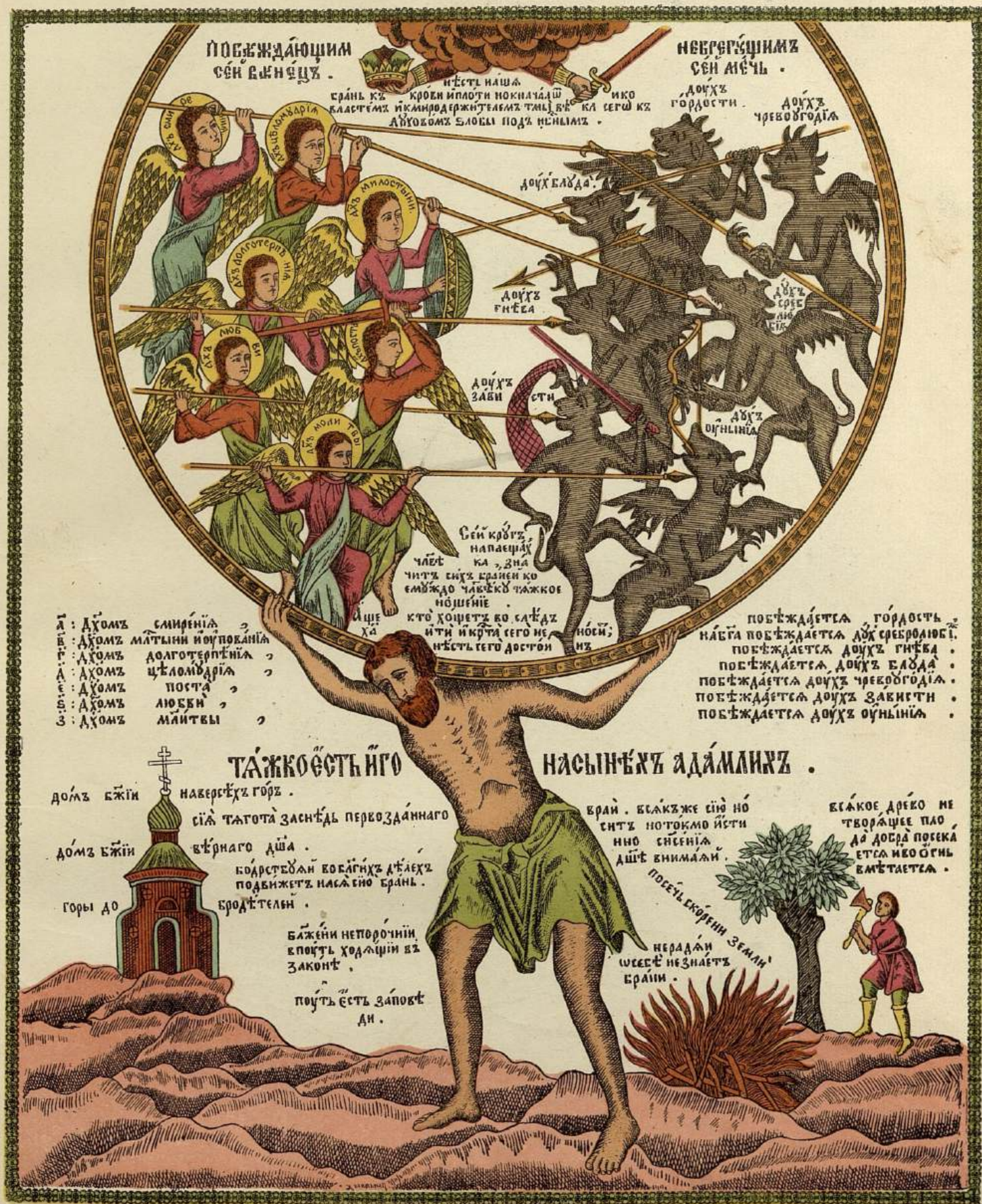
СИЛЬНЫЙ СЛАВНЫЙ ХРАБРЫЙ БОГАТЫРЬ ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ СЫНЪ ЦАРЯ ВЫСЛАВА АНДРОНОВИЧА ЛЬДЕТЬ,
на Огнемъ Воюетъ, Жаръ, Птицу и Емелу ПРЕКРАСНУЮ на ЗЛАТОГОНЬНОМЪ КОНЕ.

Лист № 73

[illegible]

Дист № 74

ПОБЕЖДАЮЩИМ
СЕН БЖИЦУ .

НЕБЕРЕЖЩИМЪ
СЕН МІЧЬ .

И ЕСТЬ НАША
СРЯНЬ КЪ КРОВЬ И ПЛОТЬ ПОКНАЧАШЪ ИКО
БЛАСТІМЪ И КИМІРОВАРЖИТЕЛМЪ ТАМЪ КЪ КЛ СЕРШ КЪ
ДУХОМЪ СЛОБИ ПОДЪ МЕНІАМЪ .

ДОУХЪ ГОРДОСТИ . ДОУХЪ ЧРЕВОДОДІА .

ДОУХЪ БЛЪДА .

ДОУХЪ ГНѢБА .

ДОУХЪ ЗАВИСТІИ .

СЕН КРЮГЪ НАПАЩАЮ
КА , ЗНА
ЧИТЪ СІХЪ БРАНИИ КО
СМІЖДО ЧЛВЧКО ТАЗКОЕ
НОШЕНІЕ
КТО ХОЩЕТЪ ВО СЛѢДЪ
ИТИ И КРЮГЪ СЕГО НЕ
И ЕСТЬ СЕГО ДОСГОИ

ПОБЕЖДАЕТСЯ ГОРДОСТЬ
НАБІА ПОБЕЖДАЕТСЯ ДОУХЪ СРЕВОДОДІА .
ПОБЕЖДАЕТСЯ ДОУХЪ ГНѢБА .
ПОБЕЖДАЕТСЯ ДОУХЪ БЛЪДА .
ПОБЕЖДАЕТСЯ ДОУХЪ ЧРЕВОДОДІА .
ПОБЕЖДАЕТСЯ ДОУХЪ ЗАВИСТІИ .
ПОБЕЖДАЕТСЯ ДОУХЪ ОУНІІА .

А : ДУХОМЪ СМІРЕНІА
Б : ДУХОМЪ МЛТНИИ ПОУПОКАНІА
Г : ДУХОМЪ ДОЛГОТЕРПѢНІА
Д : ДУХОМЪ ЦѢЛОУДІА
Е : ДУХОМЪ ПОСТА
З : ДУХОМЪ ЛЮБВИ
МЛТВИ

ТАЖКОЕСТЬ НГО

НАСЫНѢХЪ АДЪМЛИХЪ .

ДОМЪ БЖІИ НАВЕРГѢХЪ ГОРЪ .
СІА ТАГОТЪ ЗАСНѢДЪ ПЕРЕЗДАННАГО
ДОМЪ БЖІИ ВѢРНАГО ДША .
КОДРСТЕБАНЪ БОГАГНЪХЪ ДѢЛЕХЪ
ПОДВИЖЕТЪ НАСА ЕНО БРАНЬ .
ГОРЫ ДО БРОДѢТЕЛН .

БЛЖЕНІИ НЕПОРОЧІИИ
В ПОУТѢ ХОДІЩІИ ВЪ
ЗАКОНѢ .

ПОУТѢ ЕСТЬ ЗАПОВѢ
ДИ .

БРАИ . ЕСЛІКЪЖЕ СІЮ НО
СНТЪ ПОТОКМО ИСТИ
ННО СІЕНІА
ДШЕ ВНИМАИ .

ЕСЛІКОЕ ДРЕКО НЕ
ТВОРАЩЕЕ ПЛО
ДЪ ДОБРА ПОСЕКА
ЕТСЯ ИКО ОГНЬ
ВМѢТАЕТСЯ .

ПОСЕЛЕНКОЕ НИ ЗЕМЛИ
НЕРАДАНІ
УСЕРБЕ НЕЗНАЕТЪ
БРАНИ .

Первое превращается вкисные жены всеми божественны ахиса сиб акивола видима аки опрота нежны спрощень ижажаше еоржисидиш множество всосе
 вскоеко: устремился ишбментъ гмта вчездъ воста яко мистб отпосоташа дивитблшиса истены ербавишаша мабје мнстообидное все мнсто испсани при
 видении являя вползбик аловъ боковъ аспиртъ зиневъ скорпиевъ рыселя киждо естпснбмъ своимъ бспривашаша мббъ хотмъ потрпипти змје потканнмъ во
 аки вбтпблота рысь постоимъ нмбб бхшрени творше пррпепныа виды всоко уршшса ижмси бжмси всоко савшхбсб

Древо жизни сущее посредств. раб.

ХЕРУВИМЪ ПЛАМЕННОЕ ОРУЖІЕ ПОВЕЛѢ
ЕНЫМЪ ИЗГНАВЪШЪ ДАДАМА НЕВУ
СТАДЕ СВЯТЫХЪ БРАТЬЕ СЕДѢМЪ
ХРАНИТЕ ПУТЬ ДА ДЕННИХЪ
ИТОМУ ВОИ.

ХОДАН ПДЪ ПОПОЛУДНИ

БѢГОСЛОВИ ТѢ АДАМА
НЕВУ

гдѣ сотвори
жену

ГДЬ СОТВОРИ ЧЛКА

БѢДѢ АЛМѢ ПРАМО РАЮ.
 ПЛѢЧАСЯ И ПЛАДОЛА РАЮ МОЮ
 РАЮ, ПРЕКРАТНЫМЪ МОЮ РАЮ,
 МЕНЕ РАДНЪ СЪТВОРИШЬ БѢИ,
 БѢВЫШЕ РАДНЪ ЗАТВОРИШЬ.
 БѢИ,

[illegible]

ѿ ПОСЛАХЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ВЪВРѢ НѢЗА ВЛАДИМИРА ОУВѢЩАВАЮЩИХЪ

ГДА ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ МОНАРХЪ ѿ НЛН САМОДЕРЖИЦЪ
 ВІА РОСІИ ѿ ХРАБРОСТІЮ НВЕЛИЧЕСТВОМЪ ЦАРЬСТВА СВОЕГО
 ВОСѢН ПОДСОЛНУЧНОЮ ПАЧЕ ННХЪ ПРОГЛАВІА ѿ МРАКЪ
 ЖЕ БОГОВЕКАШ ПРІВІЩІА ѿ ІРѢЧЬ НДОМОЛЖІНІЕ . НЕ ОУ
 ШНІГІО СВѢТОМЪ КРІЩІА ІТАГО ПРОГНАНЪ БЫТЬ
 НАЧАША КНІМЪ ПРИХОДИТЕ ПОСЛАНИКИ ШРАЗЛИЧНЫХЪ ЦАРСТВЪ
 НКНАЖІНІИ ѿ ВІАКЪ ХВАЛАЩЕ СВОЮ ВѢРЪ :
 ЗНАЧАЛЪ ОУЕШ ПРИДОША ѿ МАГОМЕТАНЫ : НХЪ ЖЕ ВЛАДИМИРЪ
 ВОПРОСИ ОВѢРѢ , АОНН ШВѢЩАША : ВѢРЪЕМЪ БГѢ
 АМАГОМЕТЪ НАМЪ НЗВОЛАЕТЪ ЖІНЪ НМѢТИ ЕЛНКА КТШ
 ХОЩЕТЪ . НВІАКІА СЛАСТИ ОУПОТРЕБАТИ . ТОЧІЮ ОБРѢЗО
 БАТИСЯ . ОВНІАГІО МАСА НЕАСТИ ѿ КННА НЕПНТИ , ТОЧІЮ НПРО
 ЧІА НЕБЛГО ОБРАЗІА ПРЕЛАГАХЪ ѿ ІАЖЕ НПСАТИ НЕЛПО ЕСТЬ .
 ВЛАДИМИРЪ ЖЕ ІАКШ ЖЕНОЛЮБИВЪ БѢ ПНАБЖНЕЕ ОЖЕНАХЪ ПОС
 ЛАШАШЕ ѿ НООВРѢЗАНІЕ , ННЕПНТИ КННА ѿ НЕВОЗЛЮБИА ЕМѢ
 НРІЧЕ КННМЪ : НЕМОЖНМЪ МЫ ПРІБЫВАТИ БЕЗКННА : ПОНИЖЕ
 КЪ РОСІАНЕХЪ ВІА ВІСЕЛІЕ НПРІАТЕЛСТВО ВЪ ПОДПНІТІЕ БЫВАЕТЪ .
 ТАКОЖЕ НТАТАРОМЪ ЕГІПТАНОМЪ АРАВАНОУХЪ . НБМЦОМЪ , ЖИ
 ДОМЪ НПРОТЧІНМЪ ШРЕЧЕ . ПОСЛАШАШЕ ЖЕ ЧАСТО НРІМСКІН ПАПА
 НКІСАРѢ ѿ НКНАЗІН , ДАПРІНМЕТЪ НХЪ ЗАКОНЪ ХРІТІАНСКІН ѿ НО ВЛА
 ДИМИРЪ СОІЗВОІНТИ НМЪ НЕХОТЕ , ІАКШ ОУСТАВЫ ЛАТИНСКІН
 МАЛО НАВОЖНЫИ ѿ НКОРТЕЛЫ НХЪ НЕВЕЛИКИ КРАСНЫ ѿ МНАХЪ СЯ ЕМѢ
 БЫТИ , ТОЧІЮ ПОСЛАШЕ ШРѢБЧЕСКІХЪ КІСАРЕИ ѿ НПАТРІАРХОВЪ МѢСТО
 ОУНІГІО СВѢРОЮ НОУСТАВАМИ ІКОМН : ІАКШ ТОИЖЕ
 ПОЛЬСКІН ЛѢТОПИСЦЪ СТРИКОСКІН
 СВѢДѢТЕЛЬСТВУЕТЪ :

Книга, Патерикъ Скитскій. Глава 29.

Нѣкии старецъ ходя по пустыни, видѣ бѣса идуща мимо его, всего окаляна гноемъ сквернымъ, отъ главы и до ногу, и рече ему старецъ: гдѣ еси былъ діаволъ; и что еси весь окалянъ гноемъ. Отвѣща діаволъ: на блудномъ быхъ дворѣ и осквернихся отъ блудныхъ женъ. Рече ему старецъ: да что не измыешися въ рѣцѣ или воисточницѣ; онъ же отвѣща: ни велитъ ми Вышній Богъ. Да поне и въ блатѣ, или въ колесницѣ умылся есмь. И тамо запрещаетъ Богъ вашъ измытися въ немъ, понежѣ христіане пьютъ, и повелѣваетъ ангелу водному отгоняти насъ, онъ же оружіемъ огненнымъ прогоняетъ насъ. Рече ему старецъ, да гдѣ измыешися, онъ же отвѣща: пойду въ христіанскія дома, и гдѣ обрящу сосуды не покровенны. Ту вниду и измыюся. Они же послѣ примутъ болѣзни, скорби, кашлевъ и трясавицы, и иныя болѣзни. И се рекъ, не видимъ бысть. Сей старецъ сказа всемъ намъ на пользу слышавшимъ аминь.

РАЧИТЕЛЬНОЕ ДОМОВОДСТВО.

НАКОНЕЦЪ АГО СЪВРАЩАЕТЪ
ДАЕТЪ ПОНЯТИЕ СЕБѢ ЖЕЛѢТЬ
ИСКУССТВА ИЖИТИ НЕ МЕШАЮТЪ
ЧЕЛОВѢКА ТВОРИТИ ИХЪ РАДѢТЬ

СВОЯ НОВА НЕТАЯНЕТЪ

ЖЕЛОЕ ПЛАЧЕ ЧЕЛѢКА ЗА НЕВѢДОМЪ РАДѢТЬ

ДОБРОЙ МАТЕРИ СМОТРЕНЫ
НЕ ДАВАТЬ ГЛАВНОЕ ЗАВѢСТЬ
НУЖНО ДАТЬ ИХЪ НАСТАВЛЕНІЕ
ПРЕДЪСТАВЛЯЮЩЕ ДОБРАЯ ПОНЯТЬ

1) ВСЕМЪ ЕСТЬ ПАРА ВЪСЯКЪ ТО ЗНАЕТЪ
НО СЛАБА НЕ ЗНАЕТЪ, ТАКЪ
ВСѢХЪ ГЛАЗАМИ ВНЕПРИАЕТЪ
ИЩЕТЪ, ДЕРЖИШКУ ВЕЗДѢ
НА СЛОВАХЪ, ОТКРЫТЬ НЕ МОЖНО
КЪ ТОМУ ВРЕМЯ НЕ НАЙДУТЪ
ТО ПОТЯНУШЬ ОСТАВЛЯЮЩЕ
ПИСЬМО ВЪ РУКИ ПОДАВАТЬ

2) КТО ВЪШЛАЯ КОЛѢ, ЖЕНИТСЯ
ХОЗЯЙСТВО ЗАВЕСТИ
ТО КЪ ТЕМЪ ЛЕЖИ НЕ ДАНИСЯ
СВОИ ТЯСКОСТИ НЕСТИ
ПО ЗАКОНУ ТО ПРАВИ
ТЯГОСТЬ НАЖАДИ ПЕРИОДИЧНОСТЬ
ЖЕНЕЖЪ КЪ МУЖЕЖЪ КО ПРАВУ
ПРИМѢНИТСЯ И ВЕРНОЙ БЫТЬ

3) ИГРЫ ДѢТСКІЯ ВЪ ЗАДВѢВЪ
САУДЬБѢ, ПРАВЯТСЯ ВСЕТА
БЛАЖЕСТВО ИХЪ ПОУТИТЬ, ПЛАВЫ
ВСѢ НЕ СТОИТЪ ИХЪ ТУДА
ПОТРАТЬ ВРЕМЯ ВАМЪ ДОСУЖНО
ПО НЕМЪ ЕСТЬТЕ ТЯЖИТЬ
ВСѢ ИГРАНЬЕ ВАМЪ НЕ НУЖНО
НАЧНУТЬСЯ ЧЕЛѢ ВАМЪ ЖИТЬ

ЧЕЛОВЕКЪ И ЧЕКАТО ВЪ КЪ.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ СЕКЪ ЖИЗНИ
ПРИХОДЯТЪ ВЪ ВЕЗЛЕЧНОЙ АГРЕ-
ВЫЮЩИЕ ЦВЕТЫ И ДОСТАВ-
ЛЯЮТЪ ДОЗВѢСТЬ И СЧАСТЬЕ.

ПРИНАСТУПЛЕНІЕ. ВТОРОЙ СТУ-
ПЕНИ ЖИЗНИ. СТАНОВИТСЯ
ВЫЖИВЪ ВЪ ЭТО ВРЕМЯ ЮНОША
ВСТУПАЕТЪ ВЪ СЛѢДЪ СЧАСТЬЯ
ОНЪ БЫСТРО НАПРЯТЪ ЖИЗНИ И СО-
БЪЕТСЯ СЪ ПРЯМОЙ ДОРОЖИ.

Принасту́плєніє. Второй сту -

СЪ ЧЕТВЕРТОЙ СТУПЕНИ НАСТАЕТ
САМОЕ ЛУЧШЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЧЕ-
ЛОВЕКЪ. ДАВАЕТСЯ ОСТОРОЖНЫМЪ ИСПОЛНЮ-
НЫМЪ ИНО ВЪЕТО ВРЕМЯ ВСЕ ЕГО ПОСТ-
УПКИ ПРИБЛИЖАЮТЪ ОБЛАЧНЫМЪ.

ТРЕТІЯ СТУПЕНЬ ПРЕОБРА-
ЗОВАНІЯ ЖИВУ ВЪ ЖУА ИНА-
ДІАВЕТЬ ЕГО СУПРУГОВЪ СЪ ЕТА-
ГО ВРЕМЕНИ ОНЪ ОБЯЗАНЪ ЗАВО-
ДИТСЯ БЕСЪ ОТАЦКА ОЖЕНЕ.

Шестой ступенью нашей жизни мы
выдаем не столько, потому что
в это время наступает старо-
сть извальной части людей сме-
ять незаметно становится
товарищамъ. —

СЪ ДОСТИЖЕНИЕМЪ ПЯТОЙ СТУПЕНИ РЕ-
ДОСТИЖАЕМЪ СПОКОЙНАГО СОСТОЯНІЯ ТО-
ГДА ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВѢКА ЧАСТО БЫВА-
ЕТЪ ОМЛАДНУЮЩА И ПОСТАРОСТЬ УЖЕ ВЛИСЬ

ВОНРЕМЯ ОСЬМОЙ СТУПЕНИ НАШЕЙ
ЖИЗНИ МЫ ВЫВЛЕКАЕМЪ УЖЕ НИ КЪ-
ЧЕМУ НЕСПОСОБНЫ ТВЕРДОСТЬ ДУШИ
И ТЕПЛА ПРОТО ДАЕТЪ СКАЗЫ ВОЛОСАМИ
РЫВАЮТЪ ГОЛОВУ И УШЕИ НАШЕ СЛАБЕЮТЪ

СЪ ДОСТИЖЕНІЕМЪ СЕДЬМОЙ СТУПЕНИ
НАЧИНАЕТСЯ СЕДМЯ СТАРШОСТЬ ЧЕЛОВЕКА
ВЪ ВѢКЪ НУЖДАЕТСЯ ВЪ ПОДПОРГУ И ВЪ
НЕМЪ ВЫКАЗЫВАЮТСЯ МНОГІЯ СЛА-
БОСТИ.

ДЕСЯТОЙ СТУПЕНИ ЖИЗНИ ДОСТИГАЮТ
НЕМНОГЕ ЛЮДИ И ТѢХЪ ЛЮДЕЙ БОГЪ
ОЧЕНЬ УДАВАЛОСЬ ДОСТИГАТЬ
ЭТОЙ ПОСЛЕДНЕЙ СТУПЕНИ ЖИЗНИ
НАЗЫВАЮТЪ ЛЮБИМЦАМИ БОЖИИМИ.

Достигнувъ девятой ступени
нашей жизни мы становимся по-
добными дѣтямъ попрѣчь слан-
ости духа и почти утрадъ многознанія

МѢЩАШКО ВРѢА БО БѢ
днѣ . Житїе сѣаго андрѣа
хр҃га ради оуроднаго .
Искниги минїи чєгїи .
спїсано никїфорѡ презвїтеромъ
цр҃кве сѣаго софїи къ цр҃ѣ градѣ,
здѣ же кїрагцѣ шпролога со
брано .

Вильбѣ царѣ велицѣ ,
вѣ мужь кконстан
тинѣ градѣ именемъ
фесѣгнапѣ , сїи кхпи

Его Святѣйшество Князь Михаилъ Семеновъ Воронцовъ Олонецкій Кавказскій

Листъ № 93

Лист № 94

Лист № 95

ТРОИКА

Вотъ мчится тройка удалая,
А сиповъ водо править ей.
И въ воду тащить какъ шаманъ.
Рыно-каширныхъ коней:

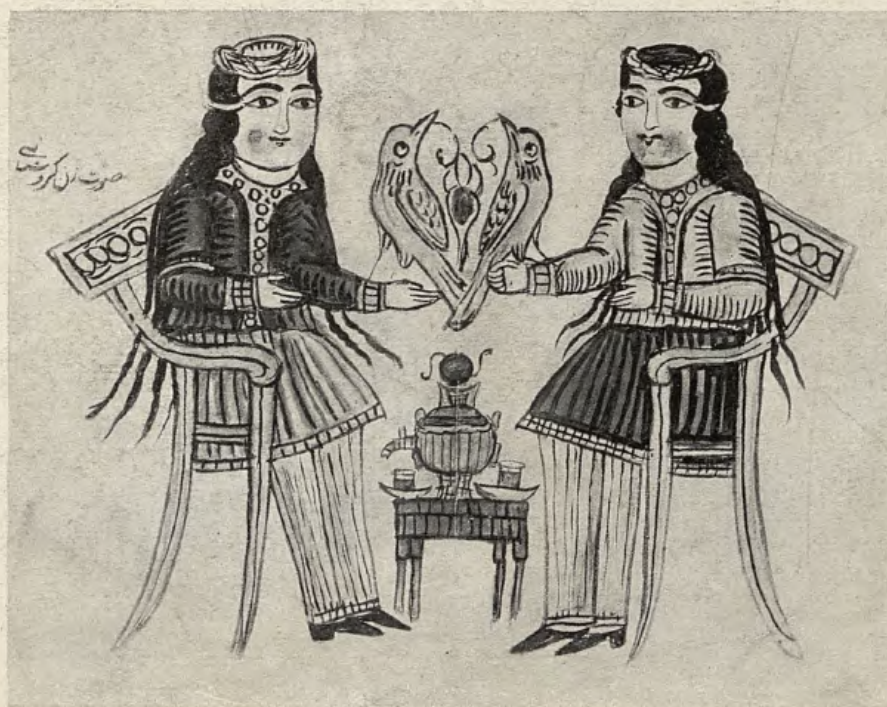
Когда въ товарищхъ согласъ шёлъ
Намъ зхъ дило непондтъ
И выдтъ изъ него не дло только зуда
Однвдъ, Лвдъ, Ракъ да Пукъ.
Висти съ Покладой возъ, назанъ
Имдтъ тое въ вт въ него впроглись
Исружъ лддтъ возъ въ воду въ вт въ втъ гду.

ТРИ ТОВАРИЩА

Поклада вы для нихъ казалась и легко
Да Лвддъ рвется въ облака
Ракъ щетится назадъ. А Пукъ тинетъ въ воду
Кто дноватъ изъ нихъ кто правъ?
(удтъ) Не шдтъ.
Изъ только возъ и ндтъ, тдтъ

Лист № 97

Лист № 98

Турец № 100

Лист № 101

Лист № 102

Диск № 103

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Вниз по матушке — по Волге...	71	27. Я пойду, пойду косить во зеленый луг...	89
2. Катенька (по А. Белянкину).	72	28. Московские крестьяне (Paysans des environs de Moscou).	90
3. Ванька с Танькою сидит...	—	29. Крестьяне зимой (Paysans en hiver).	90
4. Вниз по реченьке струистой...	73	30. Возвращение на родину из Питера промотавшегося трактирщика...	91
5. Вечерком красна девица на прудок со стадом шла...	74	31. Пряди, моя пряха, пряди, не ленися...	92
6. Ехали ребята из Нова-города...	75	32. Русская свадьба...	93
7. Не брани меня, родная...	76	33. Не будите молодую раным-рано поутру...	94
8. Как на улице шумят, сарафан бабы делают...	76	34. Прощание. Ты не плачь, не горюй...	95
9. Что с тобою, ангел, стало...	76—77	35. Казацкий праздник.	96
10. Как за речкою, как за быстрою...	77	36. Мы живем среди полей и лесов дремучих...	96
11. Во всей деревне Катенька красавицей слыла...	78	37. Сцена у зубного врача. Господин: Батюшки, отцы родные, помилосердуйте...	97
12. У нас было на улице...	79	38. Сон богача. Жил-был купец скупяга...	98
13. Лучина, лучинушка...	80	39. Какой-то домовый стерег богатый клад...	98
14. Ты, Настасья, ты, Настасья, отворяй-ка ворота...	80	40. Хозяева горюют, а приказчики пируют...	99
15. Ай во поле, ай во поле, ай во поле липанька...	80—81	41. Воздушное путешествие. Вот как в трубу вылетают, кредиторов удивляют...	100
16. Вечер поздно из лесочку я коров домой гнала...	81	42. Учитель пения.	—
17. Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...	82	43. Подьячий и смерть.	100—101
18. Близ Красных ворот...	83	44. Сказка про богатого Ипата.	101
19. В селе малом Ванька жил...	84	45. Claire } Идеалы мужской и женской красоты — картинки, украшавшие стены	102
20. Деревня от деревни неподалеку стоит...	84	46. Jules } старых цирулен.	103
21. Хищные волки, напавшие на проезжающих...	84—85		
22. Во лузях...	85		
23. Песня про то, как жена пила пиво да мужа накормить позабыла...	86		
24. По улице мостовой...	87		
25. Что ты спишь, мужичок...	88		
26. Мужик пашенку пахал...	—		

47. Новейший карточный оракул.	104	73. Богатырь Иван-царевич.	124
48. Гадательная книжка царя Соломона.	105	74. Храбрый Аника-воин.	—
49. Охота на слоне за тигром.	106	75. Изображение страшного суда.	125
50—52. Образцы бытовых обоев.	106—107	76. Житие Марии Египетской.	126
53. Кринолин, или средство заменить им при случае воздушный шар.	107	77. Старообрядческая листовка. Тяжко есть игло.	126—127
54. Голь на выдумки хитра.	108	78. Испытание Антония Египетского.	127
55. Пьян да глуп — больше бьют.	109	79. Житие старца Герасима.	128
56. Московский сбивенщик и хоббешник.	110	80. Сотворение человека, жизнь в раю Адама и Евы и изгнание из рая.	128—129
57. Роспись приданого.	111	81. Сирин.	
58. Веселое гулянье на мышах.	112	82. Алконост.	
59. Небылица в лицах (мышь кота погребает).	113	83. пытки Евдокии Урусовой и Феодосии Морозовой.	129
60. Свадьба медведя мишки косолапого.	114	84. Беседа о вере кн. Владимира с иноземными посланцами.	130
61. Трудолюбивый медведь.	115	85. Старец и бес.	131
62. Клеветник и змея.	116	86. Чуден в свете человек...	132
63. Урок мужьям простакам и женам щеголихам.	116	87. Рачительное домоводство.	133
64. К атаману алжирских разбойников представляют бежавшую пленницу.	117	88. Ступени человеческого века.	134
65. Скилла, дочь Фарки.	118	89—92. Миниатюры из лицевых рукописных книг.	134—135
66. Портрет кота Иоанна Грозного.	118	93. Князь Воронцов.	135
67. Девушка Юлия Пастрана.	119	94. Вылазка из Севастополя.	136
68. В Марьиной роще.	—	95. Нападение англичан на Соловецкий монастырь.	136
69. Раек.	120	96. Тройка. Три товарища.	137
70. Богатырь Илья Муромец.	121	97—98. Персидские лубки, встречавшиеся в народном быту.	138
71. Бова-королевич.	122	99—103. Лубочные изображения на пряниках.	139—143
72. Храбрый витязь Еруслан Лазаревич.	123		

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Вступление	11
Лубок — иллюстрация народной песни	17
Лубки, рисующие быт крестьянина, служащего и отражающие производственные процессы	25
Городской романс и обывательская песня в народном лубке . .	29
Лубки, отражающие буржуазно-мещанский взгляд на быт на- родностей	31
Чиновничество и примитивная сатира на городские профессии, а также на кулака, купца, ростовщика и т. п.	33
Лубки, отражающие мещанский быт и вкус	37
Примитивный рисунок на бытовых обоях	39
Лубочные изображения, высмеивающие моды	41
Разгул, кабак, трактир, бильярдная и ресторация в народном лубке	43
Лубок, изображающий уличные торговые типы	45
Лубки, отражающие небылицу, выдумку, анекдот или поучи- тельную басню	47
Лубок народного зрелища	51
Лубки, иллюстрирующие народную сказку	53
Религиозно-иконографический лубок	55
Лубки религиозно-агитационного характера	59
Живописный старообрядческий лубок	61
Лубки, отражающие исторические события, военный быт, воен- ный анекдот, политические настроения и царскую солдат- чину	63
Персидский лубок, бытовавший в России	65
Тисненая лубочная картинка на народных пряниках	67
Приложения	69
Список иллюстраций	145

Обложка, форзац и шмуцтитул
исполнены по типу древних руко-
писных поморских грамот и лице-
вых книг XVII—XVIII веков худож-
ником Е. А. Данилевской.

Редактор Н. РОМАНОВ
Технический редактор
П. М. КАЗАРИН
Художественный редактор
М. П. СОКОЛЬНИКОВ
Сдано в набор 1/VI 1936 г.
Подпис. к печати 9/X 1936 г.
Уп. Главлита № Б-27/255.
Тираж 5000 экз. Зак. № 760
Изогиз № 8620. Печ. л. 23.
Бумага 72×110¹/₈ д. л.
Отпечатано в 18-й типогр.
треста «Полиграфкнига»,
Москва, Шубинский, 10.

Цена 26 руб. 50 коп.
Переплет 3 руб. 50 коп.